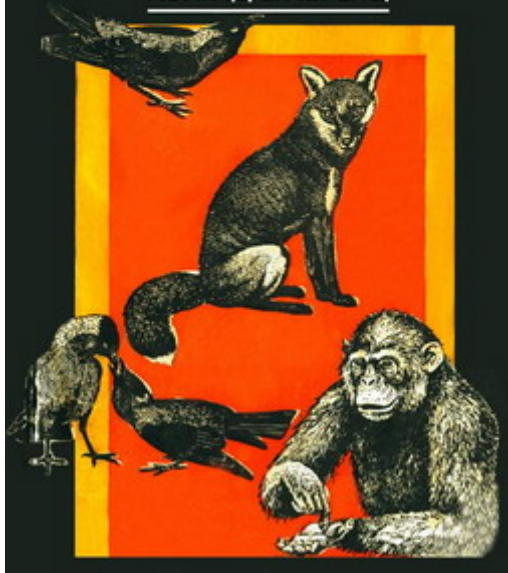

КОЛЬЦО ЦАРЯ СОЛОМОНА

КОНРАД З. ЛОРЕНЦ

Конрад Лоренц

Кольцо царя Соломона

OCR TaKir
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=142850
Кольцо царя Соломона: Знание; Москва; 1980

Аннотация

Автор — современный учёный, лауреат Нобелевской премии, один из основоположников науки о поведении животных — этологии.

Неоценимое достоинство книги Конрада Лоренца, написанной четверть века назад и пользующейся неизменной популярностью, состоит в том, что она живо, просто и доступно рассказывает о научном поиске, пробуждая в читателе стремление к глубокому познанию окружающего нас мира.

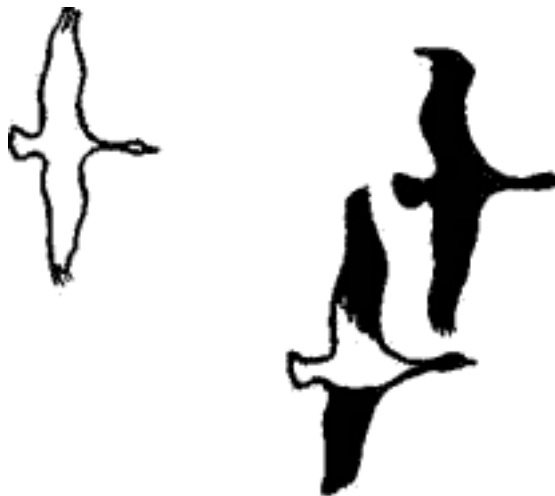
РИСУНКИ АВТОРА

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	9
ЖИВОТНЫЕ КАК ИСТОЧНИК НЕПРИЯТНОСТЕЙ	13
БОИТЕСЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ – ЗАВОДИТЕ АКВАРИУМ	19
РАЗБОЙНИКИ В АКВАРИУМЕ	24
БЕДНАЯ РЫБКА	28
СТОИТ ЛИ СМЕЯТЬСЯ НАД ЖИВОТНЫМИ?	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Конрад З. Лоренц

Кольцо царя Соломона

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книги, подобно людям, имеют свои неповторимые судьбы. Срок жизни одних книг короток, и мы быстро забываем об их существовании. Другие, как лучшие друзья, сопровождают человека на протяжении всей его жизни, а затем остаются служить его детям и внукам. Есть книги, любимые в детстве и остающиеся только в воспоминаниях детства. Есть и такие, которые мы вновь и вновь открываем для себя в юности, в зрелости и на склоне лет. Эти книги как бы заново возрождаются к жизни с каждым их новым изданием. Они отмечены печатью неизменного признания и интереса со стороны читателей разных стран, возрастов и склонностей.

К числу таких книг со счастливой судьбой относится книжка Конрада Лоренца «Кольцо царя Соломона». Хотя срок её жизни составляет немногим больше четверти века, за это время она получила широкую известность и признание среди читателей многих стран мира. Впервые эта книга была опубликована не в Австрии, на родине её автора, а в Великобритании. Это произошло в 1952 г. В 1957 г. книга была переиздана на английском языке; выдержала несколько изданий на других языках; в 1970 г. вышла в русском переводе в издательстве «Знание».

В чем же секрет неизменного успеха, сопровождавшего этой книге на протяжении 25 лет? Дело в том, что «Кольцо царя Соломона» – один из лучших образцов литературного жанра, рождённого расцветом современной науки и её все более глубоким проникновением в повседневную жизнь человека XX столетия.

В наши дни наука перестаёт быть неким таинством, совершающимся за стенами научных лабораторий и недоступным «простому смертному». Сегодня любое сколько-нибудь значительное научное открытие в короткий срок становится достоянием самых широких кругов читателей. Научно-популярные журналы, число которых растёт с каждым днём, оказываются одним из наиболее популярных видов чтения. Ежедневно газеты и телевидение знакомят нас со сложнейшими астрономическими, физическими, биологическими концепциями, которые ещё совсем недавно могли бы показаться неспециалисту таинственными и уместными лишь на страницах сугубо специального научного трактата.

Сделать достижения современной науки доступными и понятными для каждого, увлечь читателя атмосферой научного поиска, породить в нём стремление к глубокому познанию окружающего нас мира – вот те воистину священные задачи, которые стоят сейчас перед учёными, влюблёнными в своё дело. Конрад Лоренц относится именно к числу таких исследователей. «Разве не должен этолог, поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об интимной жизни животных? В конце концов, каждый учёный должен считать своим долгом, рассказать широкой публике в общедоступной форме о том, чем он занимается», – так пишет автор в предисловии к своей книге.

Для того чтобы писать о своей науке для всех, учёному мало быть профессионалом в своей области. Он должен обладать ещё и талантом писателя. Эти качества – доскональное знание предмета и живой дар литератора – удивительным образом сочетаются в богатой личности К. Лоренца. Образование его фундаментально – помимо зоологического факультета Венского университета, он окончил также философский и медицинский факультеты. Его научная деятельность получила мировое признание: работая директором Института сравнительной физиологии в Зеевизене (ФРГ), К. Лоренц избран членом Американского и Датского орнитологических обществ, Индийской зоологической академии, Швейцарской академии наук и ЮНЕСКО. В 1973 г. он удостоен одной из высших наград за плодотворную научную деятельность – Нобелевской премии. Об авторитете К. Лоренца как профессиональ-

ного писателя свидетельствует тот факт, что он является действительным членом Немецкой ассоциации писателей. Нашему читателю известна ещё одна талантливая книжка К. Лоренца – «Человек находит друга», изданная в издательстве «Мир» в 1971 г.

Читателю предстоит составить собственное мнение о литературных достоинствах книги «Кольцо царя Соломона». Я думаю, что она способна увлечь каждого, кто неравнодушен к природе и к тайнам мира животных. Любопытна другая деталь. Будучи законченным художественным произведением, привлекательным и доступным для каждого из нас, эта книга представляет живой интерес и для зоологов-профессионалов. В момент своего написания талантливые научно-популярные работы К. Лоренца сыграли важную роль в распространении новых и непривычных в то время взглядов на сущность поведения животных. Сам автор писал по этому поводу следующее: «Обе мои книги – и „Кольцо царя Соломона“ и „Человек находит друга“ – можно рассматривать как небольшие и весьма скромные введения в этологию. Я позволяю себе говорить об этом потому, что знаю немало естествоиспытателей, которые обратили внимание на нашу науку именно благодаря этим книгам». Ссылки на «Кольцо царя Соломона» мы можем ещё и сегодня найти во многих сугубо научных статьях и книгах. Непосредственность стиля, окрашенного своеобразием личности автора и его мягким юмором, не помешала специалистам-зоологам увидеть в этом сборнике новелл обилие новых фактов и богатство плодотворных идей, послуживших около 40 лет назад фундаментом этологии – науки о поведении животных.

Не многим учёным выпала честь ещё при жизни получить всеобщее признание в качестве основателя нового научного направления. К. Лоренц относится именно к числу таких исследователей. В 30-х годах нашего века, когда зоологи, психологи и физиологи делали самые первые попытки подойти с разных сторон к строго научному описанию и анализу поведения животных, К. Лоренц выступает с серией фундаментальных статей, в которых проблема поведения рассматривается во всем её сложнейшем многообразии. Основное кредо К. Лоренца состояло в том, что мы не сможем понять внутренний мир и мотивы поведения животных до тех пор, пока не покинем стены физиологических и зоопсихологических лабораторий и не освободим подопытных животных из тесных клеток и экспериментальных станков. Только свободное животное может в полной мере продемонстрировать наблюдателю все богатство и всю сложность своей психики. Разумеется, в этом смысле наибольшие возможности предоставляют наблюдения в условиях девственной природы, где связи живого существа со средой и с себе подобными проявляются в наиболее гармоничной и естественной форме. Однако мы можем отчасти упростить свою задачу, поселив интересующих нас животных у себя дома, но при этом по возможности не ограничивая свободы их передвижения и действий.

Но все это – лишь способ, который даёт возможность познать истинную сущность вещей. А что, собственно, должен понять этолог, исследуя поведение животных? Здесь К. Лоренц видит несколько задач, теснейшим образом связанных друг с другом. Во-первых, этологам предстоит дать ответ на многовековой вопрос, поставленный ещё античными учёными: «Что такое инстинкт?». Во-вторых, необходимо узнать, руководствуется ли животное в своих поступках только этим пресловутым «инстинктом» или же существуют и другие факторы, ответственные за поведение живых существ. Очевидно, что наряду с инстинктивными реакциями, которые присущи животному от рождения, в течение его жизни формируются и другие, требующие для своего развития определённого индивидуального опыта или обучения. Отсюда третья задача – узнать, каково соотношение между инстинктивными, врождёнными формами поведения и теми реакциями, которые приобретаются за счёт жизненного опыта. Как формируется причудливая мозаика поведения особи на протяжении её жизни – от момента рождения и до наступления зрелости?

Но, ответив на все эти вопросы, мы оказываемся перед рядом других, не менее интересных и важных. Один из них состоит в том, как именно животные общаются друг с другом. Основано ли их взаимопонимание только на обмене врождёнными сигналами или же здесь есть место и личным привязанностям, симпатиям и склонностям? В чем сходство и в чём принципиальные различия между «языками» животных и языком человека?

Наконец, если представить себе эволюцию животного мира как развитие от простейших одноклеточных существ до высших позвоночных (в том числе и человека), то совершенно естественным становится желание учёных узнать, как же в процессе органической эволюции преобразовывалось поведение животных? Действительно, в самом начале этого необозримого пути природы мы находим существ с поведением простейших автоматов, а в конце его – животных с тончайшей психической организацией, позволяющей им мгновенно приспосабливаться к самым неожиданным и совершенно новым для них изменениям во внешней среде.

Многие из перечисленных здесь вопросов ставились учёными и до появления основополагающих трудов К. Лоренца. Непосредственными его предшественниками были Ч. Уитмен и У. Крег в США, Я. Иксюль и О. Хейнрот в Германии, Дж. Хаксли в Англии. Трудно переоценить и то влияние, которое оказала на творчество К. Лоренца теория видообразования Ч. Дарвина. Но величайшая заслуга К. Лоренца состоит в том, что он, взяв самое существенное в трудах всех этих и многих других его предшественников и современников, создал единую теоретическую систему. Тем самым учёному удалось ясно очертить поле деятельности новой науки и указать направления поисков и основные пути решения наиболее актуальных вопросов. «Я вижу заслугу своей работы в том, – писал К. Лоренц, – что она открывает широкое поле исследований в той области, которая до недавнего времени была трудно достижимой».

Будучи большим учёным с философским складом ума, К. Лоренц не может остановиться на полпути и не обратить своего взгляда в сферу интереснейших проблем, связанных со спецификой и эволюцией поведения человека. Как биологический вид человек вышел из животного мира, так что у нас нет никаких оснований отрицать преемственность в поведении животных и человека. Если это так, то глубокое знание механизмов поведения животных даёт нам необходимый ключ к пониманию путей становления и эволюции поведения человека. А ведь человек стал «Человеком Разумным» именно благодаря прогрессивным изменениям в его поведении – он научился изготавливать разнообразные орудия и использовать их по назначению, добывать огонь, выращивать хлеб и овощи, одомашнивать животных. Не удивительно, что проблема эволюции человеческого поведения, заложенная ещё трудами Ч. Дарвина, все чаще привлекает в наши дни внимание этологов и зоопсихологов. Эта тема всегда была очень близка и К. Лоренцу. Среди прочих вопросов, связанных с нею, Лоренца особенно интересует проблема происхождения различных ритуалов у человека (например, ритуал приветствия), а также пути возникновения и эволюции человеческой морали. С некоторыми взглядами автора на этот предмет читатель может познакомиться в последней главе этой книги, а также в статье «Эволюция ритуалов в биологической и культурной сферах», опубликованной в № 11 журнала «Природа» за 1969 г. Надо заметить, что хотя Лоренцу нельзя отказать здесь в наблюдательности и остроумии трактовок, некоторые проводимые им аналогии между поведением животных и человека могут оказаться при более глубоком раздумье достаточно поверхностными. Это обстоятельство неоднократно служило поводом для критики научно-популярных произведений Лоренца со стороны советских и зарубежных исследователей поведения животных.

В наши дни, когда этология становится развитой наукой, в которой занята целая армия профессионалов, не всем им удаётся избежать чисто утилитарного отношения к животным как к безликому «материалу» для исследований. Такой подход абсолютно чужд К. Лоренцу,

все творчество которого окрашено глубоко личным отношением к нашим «братьям меньшим» как к существам с собственной индивидуальностью, заслуживающим защиты, любви и уважения. Вот источник той совершенно особой атмосферы, которая будет сопровождать читателя от первой до последней страницы этой замечательной книжки о работе учёного-энтузиаста и о его любимых питомцах.

Е. Н. ПАНОВ

ВВЕДЕНИЕ

*Во века веков не рождалось царя
Мудрее, чем царь Соломон;
Как люди беседуют между собой
Беседовал с бабочкой он¹*

Редьярд Киплинг

Библейская легенда рассказывает, что мудрый царь Соломон, сын Давида, «говорил и со зверями, и с дикими птицами, и с ползающими тварями, и с рыбами». Не совсем верное истолкование этого текста, который, очень вероятно, представляет собой самую старую в мире биологическую запись, породило прелестную сказку, что царь Соломон обладал способностью говорить на языке животных, скрытом от других людей. Но я склонен принять эту сказку за истину. У меня есть все основания верить, что Соломон действительно мог беседовать с животными и даже без помощи волшебного кольца, обладание которым приписывает ему легенда. Я сам могу делать то же самое, не прибегая к магии, чёрной или какой-либо иной. На мой взгляд, это не слишком занимательно – пользоваться волшебным кольцом, пытаюсь понять Животных. Они могут рассказать человеку, и не пользующемуся сверхъестественной помощью, вещи ещё более замечательные и вполне правдивые, ибо правда о природе гораздо прекраснее и удивительнее всего, о чём пели наши великие поэты, эти единственные настоящие волшебники, существовавшие на Земле.

Я нисколько не шучу. Если «сигнальный код» общественных видов животных вообще можно назвать языком, то человек, изучивший этот «словарь», сможет понимать животных (данному вопросу посвящена одна из глав моей книги). Конечно, низшие и необщественные животные не имеют ничего, что должно было бы назвать языком даже в самом широком смысле хотя бы по той простой причине, что им нечего сказать. По той же причине невозможно сообщить что-либо им. Несомненно, исключительно трудно высказать что-то, способное заинтересовать этих «пресмыкающихся тварей». Однако путём изучения «словаря» высокоорганизованных общественных видов млекопитающих и птиц можно достигнуть изумительного подражания и взаимного понимания. В последних работах учёных, исследующих поведение животных, это становится делом само собой разумеющимся и перестаёт быть источником удивления. Но я ещё сохраняю в памяти яркое воспоминание об одном забавном эпизоде, принёсшем мне убеждённость, что удивительное и единственное в своём роде явление вполне возможно.

Прежде чем рассказать об этом, я должен описать обстановку, на фоне которой развёртывалась большая часть событий, описанных в моей книге. Прекрасная страна, примыкающая к обоим берегам Дуная в округе Альтенберг, – это истинный рай для натуралистов. Защищённые от наступления сельского хозяйства и цивилизации ежегодным весенним разливом Дуная густые ивовые леса, заросшие тростником болота и дремлющие воды простираются на много квадратных километров; остров первобытной дикости в самом центре Нижней Австрии; оазис девственной природы, где красный олень и косуля, цапля и баклан пережили даже превратности последней ужасной войны. Здесь, как в любимой Вордсвортом² Стране Озёр:

Среди осоки дикой утки всплеск,

¹ Перевод стихов здесь и далее Н.Н. Панова.

² Вордсворт Уильям (1770-1850) – английский поэт, один из главных представителей английского романтизма.

И щучьей чешуи мгновенный блеск,
И цапля улетает в небосвод,
Как дротик, шею вытянув вперёд.

Редко удаётся встретить в самом сердце старой Европы места, столь девственно дикие. Здесь наблюдается странный контраст между характером ландшафта и географическим положением места, а для глаз натуралиста этот контраст ещё более подчёркивается присутствием некоторых американских видов растений и животных, завезённых сюда ранее. Американская золотая розга встречается в изобилии, а под водой её заменяет канадская элодея; американский солнечный окунь³ и кошачья рыба⁴ обычны в заводях; и что-то грузное и громоздкое в фигуре нашего оленя напоминает вам, что Франц-Иосиф I, в зените своей охотничьей жизни, завёз в Австрию несколько сотен голов вапити⁵.

Мускусная крыса⁶ чрезвычайно обильна. Она пришла сюда из Богемии, куда впервые была завезена из Северной Америки. Громкие всплески хвоста ондатры, когда они ударяют по поверхности воды, желая подать сигнал тревоги, смешиваются с мелодичным свистом европейской иволги.

Ко всему этому добавьте зрелище Дуная, этого младшего брата Миссисипи; представьте себе могучую реку, текущую в широком, мелководном, извилистом ложе, её узкий навигационный проход, в отличие от всех других европейских рек постоянно меняющий своё направление, громадное пространство беснующейся воды, которая изменяет цвет в зависимости от времени года: от мутного, серовато-жёлтого – весной и летом до чистого, голубовато-зелёного – поздней осенью и зимой. Да, «голубой Дунай», воспеваемый в наших народных песнях, существует только в холодное время года.

Причудливо извивающаяся лента реки окружена холмами, покрытыми виноградниками, с вершин которых два раннесредневековых замка, Гренфенштейн и Крюзенштейн, угрюмо смотрят поверх громадных пространств диких лесов и вод. Бот тот ландшафт, на фоне которого разворачивались события этой книги, ландшафт, который мне кажется самым прекрасным на Земле, ибо каждый человек вправе считать самым прекрасным те места, где он прожил большую часть своей жизни.

В один из жарких дней в начале лета, когда мы с доктором Зейтцем, моим другом и помощником, работали над фильмом о диких гусях, по этой прекрасной местности передвигалась чрезвычайно странная процессия, столь же причудливая, как и сам ландшафт. Впереди шествовал большой рыжий пёс, внешне напоминавший аляскинскую эскимосскую лайку, а на самом же деле – помесь австралийской и китайской пород. За ним два человека в плавках несли каноэ, за ними десять полувзрослых гусей вышагивали с чувством собственного достоинства, столь свойственного их племени. Тринадцать крошечных пищащих крыковых утят торопились следом, боясь отстать и стараясь держаться вместе с более крупными

³ Солнечный окунь, или солнечная рыбка (*Gibbosus Lepomis*), – рыба из семейства американских ушастых окуней, обитающих в Северной Америке. акклиматизирована в низовьях Дуная. Самцы ушастых окуней строят примитивное гнездо и охраняют икру, отложенную самкой.

⁴ Кошачья рыба, или карликовый сомик (*Amiurus nebulosus*), – рыба из отряда карпообразных. Питается главным образом личинками водных насекомых и моллюсками. Изредка – мелкой рыбой. Родина – Северная Америка, акклиматизировалась в водоёмах Белоруссии и Западной Украины.

⁵ Вапити (*Cervus canadensis*) – крупный олень из группы благородных оленей, некогда широко распространённый в Северной Америке, к настоящему времени сильно истреблён человеком. Ближайший родственник вапити – европейский благородный олень *Cervus elaphus*. Автор имеет в виду, что завезённые в Европу вапити скрещивались с европейским оленем.

⁶ Мускусная крыса, или ондатра (*Ondatra zibethica*), – очень крупная водяная полёвка, ценная для пушного промысла. Издавна добывается в больших количествах на своей родине, в Северной Америке. Акклиматизирована в Европе, с 30-х годов – в Советском Союзе. Сейчас – обычное, местами многочисленное животное на территории СССР – от европейской части до Дальнего Востока.

животными. В конце процессии маршировал странный, уродливый пегий утёнок, не похожий ни на что на свете, – гибрид огаря⁷ и египетского гуся⁸. Только плавки на бёдрах двоих участников этой сцены и кинокамера, висевшая через плечо одного из них, не позволяли предположить, что вы являетесь свидетелем сцены, происходящей в садах Эдема.

Процессия двигалась очень медленно, поскольку нам приходилось приноравливаться к движению самого слабого из наших утят, поэтому ушло много времени, прежде чем мы достигли места назначения – чрезвычайно живописной заводи, обрамлённой цветущими «снежными шарами» и выбранной Зейтцем для съёмки некоторых «ударных» сцен нашего фильма. Достигнув заводи, мы сразу же приступили к делу. В подзаголовке фильма значилось: «Научное руководство – доктор Конрад Лоренц. Оператор – доктор Альфред Зейтц». Поэтому я сразу начал руководить научной стороной съёмки, то есть попросту лёг на мягкую траву, окаймлявшую заводь, и стал нежиться на солнце. Зелёные лягушки лениво квакали, как и обычно в хорошие летние дни, большие стрекозы кружились в воздухе, и славка-черноголовка⁹ пела свою нежную ликующую песенку в кустах, расположенных менее чем в трех ярдах от меня. Я слышал, как Альфред заводил камеру и ворчал на утят, которые то и дело оказывались перед объективом именно в тот момент, когда оператор намеревался снимать не их, а гусят. Где-то в моем мозгу неясно бродила мысль, что я должен подняться и помочь товарищу отогнать утят, но тело стало безвольным, и я погрузился в сон. Внезапно, сквозь дремотную неясность сознания до меня донёсся раздражённый голос Альфреда: «Рангран-грангрангранг, простите, я хотел сказать – куаг, гегегеге, куаг, гегегеге!» Засмеявшись, я проснулся. Зейтц хотел отозвать утят и по ошибке обратился к ним на языке дикого гуся.

Именно в этот момент у меня впервые возникла мысль написать книгу. Никто не оценил всей забавности ошибки Альфреда, ибо сам он был слишком поглощён своей работой. Мне очень захотелось рассказать кому-нибудь об этом случае, а потом я подумал, что можно рассказать о нем всем.

А почему бы и нет? Разве не должен этолог¹⁰, поставивший своей целью узнать о животных больше, чем известно кому-либо другому, передать людям свои знания об интимной жизни животных? В конце концов долг каждого учёного – рассказать широкой публике в общедоступной форме о том, чем он занимается.

Уже написано много хороших и плохих, верных и ошибочных книг о животных. Ещё одна книга, состоящая из правдивых рассказов, не принесёт большого вреда. Я не хочу сказать, что хорошая книга должна быть безусловно правдивой. Несомненно, наиболее плодотворное влияние на развитие моего сознания в раннем детстве оказали две книги о животных, которые не могут быть названы правдивыми даже в самом вольном смысле слова. Ни «Нильс Холгерсон» Сельмы Лагерлёф¹¹, ни «Книга джунглей» Редьярда Киплинга не содержат в себе ничего похожего на научную правду о животных. Но поэты, подобные авторам этих книг, могут позволить себе подать читателю животных совсем не так, как того требует научная истина. Они смело разрешают своим героям разговаривать на человеческом языке,

⁷ Огарь, или красная утка (*Casarca ferruginea*), – крупная утка, которая по своему строению имеет общие черты с гусями. Распространён в степных и полупустынных районах Евразии. Гнездится в норах лисиц, барсуков, в трещинах и расселинах берегов и заброшенных построек.

⁸ Египетский, или нильский гусь (*Alopochen aegyptiaca*) – птица из отряда Гусеобразных, обитающая в долине Нила и по всей Африке южнее Сахары. Живёт в лесах, преимущественно мимозовых.

⁹ Славки (*Sylvia*) – мелкие певчие птицы из отряда воробьиных. Обитают в Старом Свете. В СССР обычны славка-черноголовка, садовая славка, серая славка и др.

¹⁰ Этология – одна из основных отраслей науки о поведении животных. Слово происходит от греческого «ethos», что означает характер или поведение.

¹¹ Сельма Лагерлёф (1858-1940) – шведская писательница, многие произведения которой переведены на русский язык. В книге «Чудесное путешествие Нильса Холгессона по Швеции» даны идиллические картины шведской природы и народной жизни.

они даже кладут человеческие побуждения в основу их поступков и при этом сохраняют типичные черты облика диких существ. Удивительно, как правдиво передают они сущность того или иного животного, хотя рассказывают только волшебную сказку. Читая эти книги, вы верите, что если бы старый опытный дикий гусь или мудрая чёрная пантера смогли бы заговорить, то они стали бы говорить именно так, как говорят Акка Сельмы Лагерлёф или Багира Редьярда Киплинга.

Писатель-творец, изображая поведение животных, обязан держаться в пределах точной истины не более чем живописец или скульптор, передающие внешний облик зверей. Но священная обязанность каждого художника – быть достаточно осведомлённым относительно тех особенностей, при изображении которых он отклоняется от действительных фактов.

Более того, ему необходимо знать эти детали лучше, чем все другие, которые изображаются в полном соответствии с жизненной правдой. Нет большего греха против правдивого искусства, нет более презренного дилетантизма, чем пользование свободой художника для прикрытия своей неосведомлённости о подлинных фактах.

Я учёный, а не поэт, поэтому не стану пытаться в этой маленькой книжке подправить природу с помощью художественных вольностей. Каждая подобная попытка, несомненно, дала бы противоположный эффект, и мой единственный шанс написать что-нибудь, не лишённое поэтичности, – это строго следовать научным фактам. Итак, скромно придерживаясь приёмов своего ремесла, я надеюсь дать моим доброжелательным читателям хотя бы слабое представление о безграничной красоте наших друзей-животных и их жизни.

Альтенберг, январь 1950 г.
КОНРАД З. ЛОРЕНЦ

ЖИВОТНЫЕ КАК ИСТОЧНИК НЕПРИЯТНОСТЕЙ

*Вскрывает зубами бочонки сельдей.
Вьёт гнезда в ильях добрых людей,
И писком из-под пола, из клеток.
Болтать мешает и сна лишает
Хозяйку дома хвостатый злодей.*

Р. Браунинг

Почему я начинаю с наиболее неприятной стороны совместной жизни с животными? Потому что степень вашей готовности мириться с приносимым ими беспокойством говорит о силе вашей любви к ним. Я всегда буду признателен своим терпеливым родителям: они только качали головой и укоризненно смотрели на меня, когда я приносил домой нового питомца, от которого можно было ждать больше неприятностей, чем от предыдущих. А сколько вытерпела за многие годы нашей совместной жизни моя жена! Кто осмелился бы просить у своей супруги разрешения держать в доме ручную крысу, которая свободно бегала по всем комнатам, а гнездо устраивала в самых неожиданных и неудачных местах, используя в качестве строительного материала маленькие круглые кусочки материи, аккуратно вырезанные зубами из мебельной обивки?

Какая другая жена смирилась бы с выходками попугая какаду, который откусывал все пуговицы с выстиранных и вывешенных в саду для просушки вещей, или разрешила бы приручённым серым гусям проводить ночь в спальне, а утром вылетать в сад через окно? А что сказала бы иная супруга, если бы увидела только что выстиранные занавески, сплошь украшенные симпатичными голубыми пятнышками, которые оставили певчие птицы, наевшиеся ягод бузины? Что сказала бы она, если... — но я мог бы задавать этот вопрос на протяжении ещё двадцати страниц.

Так ли необходимы все эти жертвы, спросите вы. Да, совершенно несомненно, да! Конечно, можно содержать животных в клетках, расставленных в гостиной, однако единственный способ узнать что-нибудь об умственной деятельности высших животных — это предоставить им полную свободу. Насколько печальными и скованными кажутся заключённые в клетку попугай или обезьяна, настолько же невероятно подвижными, забавными и интересными становятся те же самые животные, если дать им полную свободу. Конечно, вы должны быть готовы к убыткам и расстройствам — это неизбежная плата за содержание подобных жильцов, зато будете располагать психически полноценными существами для своих наблюдений и экспериментов. Именно поэтому я всегда содержал диких животных в условиях ничем не ограниченной свободы.

В Альтенберге проволока, предназначенная для клеток, играла совершенно парадоксальную роль — она служила препятствием для проникновения животных в дом и палисадник. Нашим питомцам всегда строго запрещалось проникать за сетку, окружающую цветочные клумбы; но, как и для маленьких детей, запрещённые вещи обладают притягательной силой для разумных животных. А, кроме того, необычайно привязчивые серые гуси постоянно стремятся к человеческому обществу. Во всяком случае, вечно случалась одна и та же история: прежде чем мы успевали заметить неладное, двадцать или тридцать гусей уже паслись на клумбах или, что ещё хуже, вторгались на открытую веранду, приветствуя нас громкими гортанными криками.

Было необычайно трудно изгнать этих птиц, которые прекрасно летали и не испытывали страха перед человеком. Самый громкий крик и неистовое размахивание руками не давали никакого эффекта. Единственным действенным средством оказался огромный баг-

ряно-красный садовый зонтик. Подобно рыцарю с копьём наизготовку, моя жена бросалась на гусей, пасущихся на недавно засаженных ею грядках, держа сложенный зонтик под мышкой; затем она издавала бешеный военный клич и резким движением раскрывала зонтик. Это было слишком даже для наших гусей, и они взлетали в воздух, громко грохоча крыльями.

К несчастью, отец в значительной степени свёл на нет усилия жены в деле воспитания гусей. Старый джентльмен очень любил гусей, особенно ему нравились гусаки – эти отважные рыцари. И ничто не могло помешать ему ежедневно приглашать гусей на чаепитие в свой кабинет, примыкавший к застеклённой веранде. Зрение отца сильно ослабело, и он замечал конкретные результаты этих посещений, только наступив на них ногой. Однажды к вечеру, выйдя в сад, я, к своему изумлению, обнаружил, что почти все гуси исчезли. Опасаясь самого худшего, я побежал в кабинет отца и застал там следующую сцену: на великолепном персидском ковре двадцать четыре гуся стояли, столпившись вокруг старого джентльмена, а он пил чай, сидя за своим письменным столом, и спокойно просматривал газету. Время от времени он отламывал кусочки хлеба и протягивал их гусям.

Птицы немного нервничали в непривычной обстановке, и это оказало неблагоприятное влияние на работу их кишечника. Как и все животные, которые обычно переваривают большие порции травы, гусь имеет цекум, или слепой отросток толстой кишки, где с помощью бактерий перерабатываются растительные волокна. Как правило, на шесть или семь нормальных опорожнений кишечника приходится одно из цекума, а оно имеет особый едкий запах и очень яркий темно-зелёный цвет.

Если же гуси встревожены, одно опорожнение цекума следует за другим. Более одиннадцати лет истекло с тех пор, как гуси принимали участие в чаепитии, но за это время зелёные пятна на ковре стали лишь бледно-жёлтыми.

Итак, наши животные живут в полной свободе и даже находятся в коротких отношениях с домом. Они всегда стремятся к нам, а не от нас. В другой семье человек может сказать: «Птица вылетела из клетки! Скорее закройте окно!». А у нас кричат: «Ради всего святого, закройте окно: ворон (какаду, обезьяна и т. д.) хочет проникнуть в дом!» Наиболее парадоксальное использование «обратного клеточного принципа» было изобретено моей женой в те времена, когда наш старший сын был ещё очень мал. Тогда у нас жили несколько крупных и потенциально опасных животных – вороны, два больших желтохлых какаду, два лемура и две обезьяны-капуцина, и никого из них нельзя было оставить наедине с ребёнком, не подвергая его опасности. Тогда-то моя жена смастерила в саду большую клетку, в которой и поместила... детскую коляску.

К сожалению, у высших животных потребность и способность причинять разрушения возрастают прямо пропорционально степени их разумности. По этой причине нельзя ни под каким видом оставлять некоторых животных, особенно обезьян, без постоянного наблюдения. Это не относится к лемурам, которые лишены свойственного всем настоящим обезьянам пристального любопытства к домашней утвари.

Настоящие обезьяны¹², генеалогически стоящие выше обезьян Нового Света, проявляют неутолимую любознательность при виде каждого нового предмета и сразу же начинают проделывать с ним свои эксперименты. И хотя это может быть очень интересно с точки зрения изучения психологии животных, для семьи такое положение вещей вскоре становится совершенно невыносимым с финансовой точки зрения. Могу проиллюстрировать это на следующем примере.

¹² Отряд обезьян, или приматов, делится обычно на три большие группы: лемуры, широконосые обезьяны и настоящие, или узконосые, обезьяны. Лемуры – наиболее древняя и примитивная группа. Это небольшие древесные животные, ведущие сумеречный и ночной образ жизни. Обитают на острове Мадагаскар, в Африке и Юго-Восточной Азии.

Ещё будучи студентом, я держал в квартире родителей в Вене великолепный экземпляр капуцина¹³, самку по имени Глория. Она занимала просторную клетку, стоявшую в моем кабинете. Когда я бывал дома и имел возможность присматривать за обезьяной, ей разрешалось свободно побегать по комнате. Уходя, я запирали её в клетке, где она очень скучала и поэтому прилагала все усилия, чтобы как можно скорее выбраться на свободу. Однажды, когда после долгого отсутствия я вернулся домой и повернул выключатель, комната осталась погруженной во тьму. Но хихиканье Глории, раздавшееся не из клетки, а с металлического прута, поддерживавшего занавески, не оставляло сомнений в причине поломки. Вернувшись со свечой, я увидел следующую сцену: обезьяна сдвинула с подставки тяжёлую бронзовую лампу, стоявшую у кровати, протаскала её через всю комнату (к сожалению, не выдернув вилки из штепселя) и с силой бросила на стеклянную крышку аквариума. Лампа погрузилась на дно. Конечно, произошло короткое замыкание. Затем Глория отперла книжный шкаф – удивительное достижение, если принять во внимание малый размер ключа, – достала второй и четвёртый тома медицинского словаря, перенесла книги на подставку аквариума и, разорвав их на мелкие лоскутки, набила обрывками внутренность сосуда. На полу валялись только пустые переплёты, а щупальца поникших морских анемонов¹⁴ были наполнены бумагой.

Интересной особенностью этих поступков было строгое внимание к деталям, налагавшее свой отпечаток на всю операцию. Одни только физические усилия, затраченные на выполнение такого дела столь маленьким животным, уже достойны удивления. К сожалению, все эти забавные наблюдения обошлись мне слишком дорого.

Что может служить вознаграждением за все эти бесконечные волнения и убытки? Как я уже говорил, мои цели не позволяют мне содержать своих питомцев на положении заключённых. Животные, которые свободно могли бы убежать, но, тем не менее, остаются со мной, доставляют неопишемую радость: ведь я могу верить, что их заставляет остаться привязанность ко мне.

Однажды, гуляя вдоль берега Дуная, я услышал звучный призыв ворона. Когда я подал ответный крик, большая птица высоко в небе сложила крылья и, со свистом разрезая воздух, стремительно понеслась вниз. Она широко расправила крылья, тем самым замедлив паде-

¹³ Капуцин обыкновенный (*Cebus capucinus*) – некрупная обезьяна с длинным хвостом (тело – около 45 см, хвост – 35 см). Живут небольшими стадами в тропических лесах Южной Америки.

¹⁴ Морские анемоны, или актинии, – водные кишечнополостные животные из группы коралловых полипов. Ведут сидячий образ жизни. Цилиндрическое тело прикреплено основанием к морскому дну, в верхней части оно снабжено многочисленными щупальцами, которые используются для ловли добычи и защиты от врагов. Некоторые виды – благодарный объект для содержания в аквариумах с морской водой.

ние, и легко опустилась на моё плечо. Тогда я почувствовал себя вознаграждённым за все разодранные книги и разорённые утиные гнезда, лежавшие на совести этого моего ворона. Очарование подобных опытов не притупляется при повторении: удивление не проходит даже в том случае, когда они проделываются ежедневно, и дикая птица становится настолько же доверчивой, насколько может быть ручной кошка или собака. Истинная дружба с дикими животными стала для меня делом совершенно естественным, и только какой-нибудь из ряда вон выходящий случай иногда заставляет меня почувствовать всю необычайность подобных отношений.

Как-то в туманное весеннее утро я спустился к Дунаю. Река была ещё сжата в своих зимних оковах, и пролётные стайки крохалей, лутков¹⁵ и белолобых гусей перелетали повсюду вдоль тёмной узкой полоски воды. Среди этих кочевников, как будто принадлежа к их числу, совершала свой путь стайка серых гусей. Я заметил, что у птицы, летевшей второй в левой шеренге треугольника, в крыле не хватало одного из крупных перьев. В этот момент я вдруг совершенно отчётливо вспомнил, что это за птица и каким образом она потеряла своё перо. Да, несомненно, это были мои гуси! Да и не может быть других серых гусей на Дунае, ни гнездящихся, ни перелётных. А птица, летящая в левой шеренге треугольника, это гусак Мартин. Только на днях произошла его помолвка с моей любимой гусыней Мартиной, и это в её честь он получил своё имя (первоначально Мартин значился под номером, потому что имена носили только те гуси, которые были выхожены мной самим, тогда как птиц, вскормленных их родителями, я просто нумеровал).

У серых гусей жених постоянно следует буквально по пятам за своей невестой. Мартина без страха разгуливала по всем комнатам нашего дома, не задерживаясь, чтобы испросить согласия своего жениха, который вырос в саду. Таким образом, под давлением обстоятельств гусак оказался в абсолютно чуждой для него обстановке. Если принять во внимание, что в естественных условиях серый гусь обитает в совершенно открытой местности и может только с большим трудом, поборов сильное инстинктивное отвращение, привыкнуть к жизни среди кустов или под деревьями, то вы были бы вынуждены признать Мартина истинным героем, видя как он с напряжённо вытянутой вверх шеей однажды последовал за своей подругой через переднюю дверь в холл, а затем наверх, в спальню.

Я как сейчас вижу его стоящим посреди комнаты, с перьями, плотно прижатыми к телу от страха, дрожащего от напряжения, но гордо выпрямившегося и встречающего великую неизвестность громким шипением. И вдруг дверь с громким стуком захлопнулась за ним. Это было слишком даже для нашего героического серого гуся. Он расправил крылья и взлетел к потолку. При столкновении большая люстра потеряла несколько подвесков, а Мартин – первостепенное маховое перо¹⁶.

¹⁵ Крохали (Mergus) – рыбоядные нырковые утки, широко распространённые в Старом и Новом Свете. В СССР обычны большой крохаль, длинноносый крохаль и луток.

¹⁶ Первостепенные маховые перья – крупные перья крыла, прикрепленные к той части скелета, которая соответствует кисти у млекопитающих. Второстепенные маховые прикрепляются к предплечью, третьестепенные – к плечевому отделу крыла.

Вот что я вспомнил о гусе, летевшем вторым в левой шеренге треугольника; но я знал и другое, по настоящему радостное: когда я вернусь домой с прогулки, эти серые гуси, только что летевшие вместе с перелётными птицами, будут стоять, выстроившись в шеренгу перед верандой, а потом подойдут ко мне, вытянув вперёд свои шеи. У гусей это примерно такой же знак приветствия, как у собаки – виляние хвостом. Я проводил главами стаю, которая пролетела низко над водой и скрылась за поворотом реки, и внезапно меня охватило изумление, то самое, которое лежит в основе всякого открытия, когда начинаешь по-новому видеть хорошо знакомые вещи. Всем знакомо это глубоко волнующее чувство: самые повседневные явления внезапно предстают перед вами в новом виде, как будто вы встречаетесь с ними впервые. Вордсворт осознал это однажды, созерцая маленькое растеньице – чистотел:

Лет тридцать – издали и вблизи
Тебя я часто видел – и что ж?
Незнакомо лицо твоё было мне.
Теперь же в течение каждого дня
Приветствия слышишь ты от меня.

Когда я провожал взглядом гусей, мне показалось почти чудом, что суровый, признающий только строгие факты учёный может установить настоящую дружбу с дикими, свободно живущими животными, и эта мысль преисполнила меня ощущением незнакомого счастья. У меня появилось такое чувство, словно изгнание человека из садов Эдема утратило некоторую часть своей горечи.

Сегодня уже нет ворона, и серые гуси загублены войной. Из всех моих свободно живущих птиц остались одни только галки; они же были первыми, кто поселился в Альтенберге. Эти многолетние постояльцы все ещё кружатся вокруг высоких фронтонов нашего дома, и их резкие крики, значение которых я понимаю до тонкостей, достигают моего кабинета через трубы центрального отопления. И каждый год эти птицы устраивают гнезда в дымовых трубах и приводят в ярость моих соседей, поедая их вишни.

Понимаете ли вы теперь, что не только научные результаты вознаграждают меня за все хлопоты и беспокойства, но и нечто большее, несравненно большее.

БОИТЕСЬ НЕПРИЯТНОСТЕЙ – ЗАВОДИТЕ АКВАРИУМ

*Мы в этом мире, что кругом.
Живём, творим один в другом.
Гёте, Фауст*

Эта вещь не требует почти никаких затрат, но она поистине удивительна: покройте дно стеклянного резервуара чистым песком и поместите сюда же несколько стебельков самых обычных водных растений. Осторожно влейте в сосуд пинту¹⁷ – другую водопроводной воды и поставьте его на солнечный подоконник. Как только вода станет совершенно чистой и растения тронутся в рост, пустите сюда немного маленьких рыбок, или, ещё лучше, возьмите банку из-под варенья и маленькую сетку и отправляйтесь на ближайший пруд. Стоит два-три раза зачерпнуть сетью воды из глубины лужицы – и вы станете обладателем несметного числа интереснейших организмов.

Все очарование детства до сих пор связано у меня с этим сачком для ловли рыбы. Вовсе не обязательно, чтобы это была «усовершенствованная новинка» с латунным обручем и газовым мешочком. По традициям Альтенберга предпочтительнее самоделка, изготовление которой – дело десяти минут: обруч – обычная изогнутая проволока, мешок из чулка, обрывка салфетки или детской пелёнки. Таким инструментом я в возрасте девяти лет ловил своих первых дафний на корм рыбкам и в результате открыл удивительный мир пресных прудов, совершенно очаровавший меня. Вслед за рыболовной сеткой пришло увеличительное стекло, его сменил скромный маленький микроскоп, и моя судьба была решена. Кто однажды узрел сокровенную красоту природы, никогда уже не сможет порвать с ней. Этот человек должен стать или поэтом, или натуралистом. И если глаз его точен и способность к наблюдению обострена, то он станет и тем и другим.

Итак, вы раз за разом протаскиваете сеточку между растениями в глубине пруда, и одновременно ваша обувь наполняется прудовой водой и илом. Если водоём удовлетворяет вашим целям и место выбрано подходящее, то вскоре мешочек сачка наполнится кишашими, извивающимися, стекловидно-прозрачными существами. Теперь опрокиньте сеточку в банку из-под джема, предварительно наполнив её водой, и сполосните сачок. Придя домой, вы заботливо опорожняете банку со своим уловом в аквариум, а потом созерцаете этот крошечный мирок, сразу же раскрывающий свои тайны вашим глазам и увеличительному стеклу.

¹⁷ Пинта – мера объёма жидкостей в Англии и США, около 0,5 литра.

Аквариум – это целый мир, ибо животные и растения, точно так же, как и в естественном пруду или в озере, и вообще на всей нашей планете, живут здесь бок о бок в состоянии биологического равновесия. Животные выдыхают двуокись углерода, которая усваивается растениями, а последние в процессе своей жизнедеятельности выделяют кислород. Однако было бы неверно сказать, что растения не дышат, подобно животным, а делают все наоборот. Растения, точно так же, как и животные, вдыхают кислород и выдыхают углекислый газ, но кроме того, растущее зелёное растение усваивает и двуокись углерода, используя её для построения своего тела. Правильнее было бы сказать, что растение «поедает» углекислый газ. В ходе этого процесса выделяется кислород в количестве большем, нежели необходимо для дыхания самого растения, и этими излишками дышат животные и человек. Наконец, растения способны усваивать остатки умерших организмов, разлагаемых на составные части бактериями, и возвращают эти вещества в великий кругооборот жизни, состоящий из трех взаимосвязанных звеньев: строители – зелёные растения, потребители – животные, демонтировщики – бактерии.

В ограниченном пространстве аквариума этот естественный цикл обмена веществ очень легко нарушается, и это приводит к катастрофическим изменениям в нашем маленьком мирке. Многие содержатели аквариумов, и дети и взрослые в равной степени, неспособны противиться искушению запустить к своим рыбкам ещё одну-единственную, в то время как растения аквариума и так едва справляются с задачей обслужить кислородом всех живущих рядом с ними животных. И как раз эта единственная рыбка может оказаться последней соломинкой, «переломившей спину верблюда». Слишком большое количество животных в аквариуме ведёт к нехватке кислорода. Рано или поздно один из обитателей не справится с этим, а его гибель может пройти незамеченной. Разложение трупа повлечёт за собой колоссальное увеличение числа бактерий в аквариуме, вода станет мутной, содержание в ней кислорода резко уменьшится, и тогда начнут умирать другие животные. Вскоре даже растения начнут разлагаться. Всего лишь несколько дней назад мы могли любоваться прелестным водоёмом, здоровыми зелёными растениями и яркими подвижными животными, а теперь перед нами ужасная зловонная жижа.

Прогрессивный аквариумист противодействует подобной опасности, искусственно вентилируя воду. Подобные технические меры сводят на нет саму суть аквариума, глубокая идея которого состоит в том, что этот маленький водный мирок самостоятельно поддерживает свою целостность и не нуждается в какой бы то ни было биологической заботе.

Достаточно только кормить животных да очищать переднее стекло аквариума (на других стенках водоросли не следует трогать – они являются ценными поставщиками кислорода). Пока поддерживается естественное равновесие, аквариум не нуждается в какой бы то ни было очистке. Если вы отказались от мысли содержать крупных рыб, особенно таких, которых привлекает дно аквариума, то вам не страшен ил, слой которого постепенно образуется внизу из испражнений животных и отмирающих растительных тканей. Он даже полезен, поскольку удобряет песок, который первоначально был стерилен. Несмотря на присутствие ила, сама вода остаётся кристально чистой и лишённой всякого запаха, как в некоторых наших альпийских озёрах.

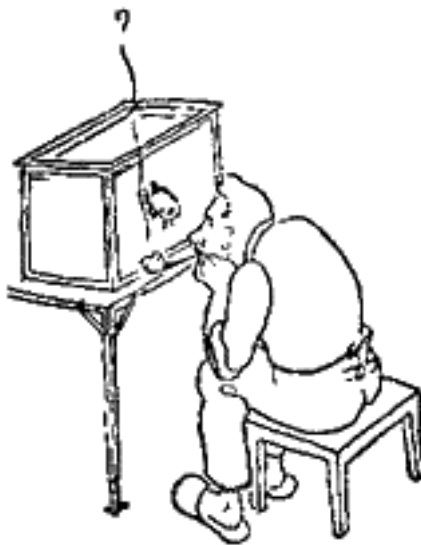
И с биологической, и с декоративной точки зрения лучше устраивать новый аквариум весной и помещать в него немного растений, обязательно дающих отростки. Только те растения, которые действительно растут в аквариуме, смогут приспособиться к особым условиям каждого определённого аквариума и процветать в дальнейшем, тогда как те, которые уже достигли полного роста, позже утратят значительную часть своей первоначальной прелести.

Два аквариума, разделённые расстоянием в несколько дюймов, обладают столь же различными индивидуальными особенностями, как два озера, находящиеся в нескольких милях одно от другого. В этом заключается основная привлекательность нового аквариума. Когда вы устраиваете его, никогда нельзя сказать заранее, как он будет развиваться и как будет выглядеть, достигнув своей собственной, особой стадии равновесия. Предположим, что вы основали три аквариума в одно и то же время, используя одинаковые неорганические материалы. Все три поставлены вплотную друг к другу, и в каждый посажены водяной чабрец (*Elodea canadensis*) и водяной тысячелистник (*Myriophyllum verticillatum*). В первом могут вскоре пышно разрастись густые джунгли элодеи, которая в большей или меньшей степени вытеснит *Myriophyllum*; во втором вероятно прямо противоположная ситуация; а в третьем, возможно, оба растения будут развиваться соразмерно друг другу. Очевидно, ни в одном из этих аквариумов не окажется восхитительных зарослей декоративной зелёной водоросли *Nitella flexilis*, свисающей вниз наподобие миниатюрных люстр. Таким образом, в трех одинаковых сосудах могут развиваться совершенно различные ландшафты. Биологические особенности этих аквариумов совершенно различны, они благоприятствуют существованию разных групп животных. Короче говоря, в каждом аквариуме развивается свой собственный, особый маленький мир, несмотря на то, что первоначальная подготовка может происходить при одинаковых условиях.

Чтобы предотвратить всякое вмешательство в естественное развитие аквариума, каждому любителю необходима определённая доля сдержанности и самоконтроля. Всякое регулирование со стороны владельца, предпринятое даже из самых лучших побуждений, способно принести много вреда. Конечно, можно завести «хорошенький» аквариум с искусственным дном и тщательно рассажеными растениями; фильтры будут препятствовать образованию ила, искусственная аэрация позволяет содержать значительно большее число рыб, нежели это было бы возможно при иных условиях. В этом случае растения играют чисто декоративную роль: животные не нуждаются в них, поскольку за счёт искусственной вентиляции они получают кислород в количестве, достаточном, чтобы поддерживать своё существование. Конечно, это всецело дело вкуса, но я лично всегда представляю себе аквариум как сообщество живых существ, которое самостоятельно регулирует биологическое равновесие. Все иное – это лишь «садок», клетка, искусственно очищаемый резервуар, который не является чем-то органически законченным и служит просто для содержания в неволе некоторых животных.

Это истинное искусство – определить заранее, какой тип сообщества животных и растений вы хотели бы держать в своём аквариуме. Чтобы достигнуть этого, необходимы большой опыт и много биологического такта в деле расположения самого контейнера, в выборе

подходящих материалов для дна, светового и температурного режима, и наконец, растений и животных, которые будут помещены вместе друг с другом.

Настоящим мастером этого искусства был мой трагически погибший друг Бернард Гельман, который мог по своему желанию скопировать любой тип пруда или озера, ручья и реки. Одним из его шедевров был большой аквариум, представлявший собой совершенную модель альпийского озера. Сосуд был очень глубоким, с холодной, кристально чистой водой. Он стоял не слишком близко к свету, и его растительность состояла из стекловидно-прозрачной светло-зелёной прудовой травы *Potamogeton*. Каменистое дно было покрыто темно-зелёным фантиналисом и декоративной водорослью *Chara*. Из животных, которых можно видеть невооружённым глазом, в аквариуме жили лишь несколько маленьких форелей и гольянов, немного пресноводных креветок и мелкие раки. Животные обитатели были столь немногочисленны, что они почти не требовали подкармливания, ибо могли существовать за счёт естественной микрофауны аквариума.

Если вы хотите содержать каких-нибудь очень требовательных, нежных водных животных, то при создании аквариума важно воспроизвести их естественное местообитание с законченным сообществом живущих в нём микро- и макроорганизмов. Даже обыкновенные обитатели наших аквариумов – тропические рыбки, и те сильно зависят от этого условия, хотя их естественная среда жизни – маленькие и не слишком чистые пруды, служащие приютом для того самого сообщества организмов, которое автоматически развивается в сред нем аквариуме. Условия, характерные для наших европейских водоёмов, подверженных изменениям климата умеренной зоны, несравненно труднее воспроизвести в комнатных условиях. Именно поэтому держать в аквариуме наших местных рыбок несравненно труднее, нежели тропические виды. Теперь вы понимаете, почему я советовал вам для начала наловить животных в ближайшем пруду с помощью традиционной сетки домашнего изготовления. Я содержал сотни аквариумов самых различных типов, но самый простой и дешёвый прудовой аквариум более всего импонирует мне, поскольку его стенки заключают в себе наиболее естественное в законченное сообщество живых организмов, способное прекрасно развиваться в искусственных условиях.

Можно часами сидеть перед аквариумом и созерцать его глубины, точно так же, как подолгу смотреть в пламя живого огня или в воду низвергающегося потока. Все сознательные мысли оставляют вас в эти минуты абсолютной безучастности, но в эти моменты вы учитесь познавать ценой кажущейся праздности ценнейшие истины о сущности микро- и

макрокосма. Если бросить на одну чашу весов все то, что я узнал из книг в библиотеках, а на другую – те знания, которые дало мне чтение «книги бегущего ручья», наверняка вторая чаша перевесит.

РАЗБОЙНИКИ В АКВАРИУМЕ

*Как он любезно скалит рот
И как резвится всласть.
Чтоб быстрых рыбок хоровод
Втянуть с улыбкой в пасть!*

Льюис Кэрролл

Страшные разбойники есть в прудовом мирке. Наблюдая за жизнью аквариума, вы можете стать свидетелями жестокостей той напряжённой борьбы за существование, которая будет разыгрываться перед вашими глазами. Если улов был достаточно разнообразен, то вскоре вы сможете увидеть пример подобного столкновения интересов, потому что среди пленников почти наверняка окажется личинка водяного жука-плавунца. Учитывая относительные размеры этого насекомого, прожорливость и ловкость, с которой это существо уничтожает свои жертвы, можно заключить, что личинка плавунца затмевает славу таких пресловутых разбойников, как тигр, лев, волк и хищный кит – косатка¹⁸.

Это стройное насекомое обтекаемой формы достигает более двух дюймов длины. Шесть его лапок снабжены жёсткой бахромой щетинок, образующих широкие лопасти в форме весел, движения которых быстро и надёжно проталкивают тело личинки сквозь толщу воды. Широкая, плоская голова несёт на себе огромные челюсти в форме клещей, полых внутри и служащих не только в качестве шприцев для впрыскивания яда в тело жертвы, но и как отверстие, через которое заглатывается пища. Обычно личинка лежит в засаде на каком-нибудь водяном растении, внезапно она с быстротой молнии бросается на свою жертву и ныряет под неё – резкое движение головы, и добыча уже в челюстях хищника. Для этих прожорливых существ «добычей» является всё, что движется или обладает запахом «живого». Неоднократно случалось, что я сам бывал «съеден» личинкой плавунца, когда неподвижно стоял по колено в воде пруда. Инъекция ядовитого пищеварительного сока личинки даже для человека чрезвычайно болезненна.

¹⁸ Косатка (*Orcinus orca*) – хищное млекопитающее из семейства дельфинов с длинным, заострённым спинным плавником, напоминающим по форме косу. Обитает в Северном Ледовитом океане и северных районах Тихого и Атлантического океанов. Наводит ужас на дельфинов, тюленей и китов. Имея длину в среднем 4-6 м, косатка бесстрашно нападает на китов, вчетверо и впятеро превосходящих её размером. Охотятся косатки обычно небольшими группами.

Эти личинки принадлежат к числу тех немногих животных, у которых процесс пищеварения происходит «вне дома». Секреты желез, которые через полые клещи челюстей впрыскиваются в тело жертвы, растворяют все ткани последней, превращают их в жидкий суп, который затем высасывается личинкой через те же самые каналы. Даже крупная добыча – личинка стрекозы или головастик, будучи укушены насекомым, теряют гибкость после нескольких оборонительных движений, а их внутренности, которые обычно более или менее прозрачны (как и у большинства водных животных), становятся мутными, словно после фиксации формалином. Сначала жертва набухает, затем сморщивается в мягком пакетике своей шкурки, безжизненно висящей в смертоносных челюстях, и наконец, уже никому не нужная, падает на дно. В ограниченном пространстве аквариума несколько крупных личинок в течение нескольких дней съедят всех животных более четверти дюйма длиной. Как же это может случиться? Личинки съедят друг друга, если до сих пор не сделали этого; при этом абсолютно не существенно, кто больше и сильнее, важно лишь, кто первый успеет схватить соперника.

Я часто наблюдал, как две равные по величине личинки одновременно нападали друг на друга и погибали мгновенной смертью в результате растворения тканей тела. Очень немногие животные, да и то лишь под страхом голодной смерти, способны нападать на других особей своего вида, размерами равных себе, с тем, чтобы пожрать их. Знаю лишь, что это определённо случается у крыс и немногих родственных им грызунов. Наблюдения, о которых будет рассказано ниже, заставляют меня сомневаться, что такая вещь когда-либо случается у волков. А личинка плавунца пожирает сородичей, равных себе по размерам, даже если есть другая добыча под рукой – то, что, насколько мне известно, не делает никакого другого животное.

Другой хищник, не столь отвратительный и жестокий и гораздо более изящный – это личинка крупной стрекозы *Aeschna*. Взрослое животное – настоящий царь воздуха, поистине сокол среди насекомых – ведь стрекоза ловит свою добычу в полёте. Перебирая свой улов с тем, чтобы не допустить в аквариум самых опасных злодеев, вы, вероятно, обнаружите наряду с личинками плавунца несколько других насекомых такой же обтекаемой формы, замечательный способ передвижения которых сразу привлечёт ваше внимание. Эти тонкие торпеды, обычно украшенные декоративным жёлто-зелёным узором, движутся вперёд резкими толчками, в то время как лапки их плотно прижаты к туловищу. На первый взгляд вообще кажется загадкой, как они могут перемещаться. Но если вы специально понаблюдаете за этими существами, поместив их в плоское блюдо с водой, то увидите, что личинки движутся по реактивному принципу. Из кончика брюшка насекомого прозрачным столбиком бьёт назад сильная струйка воды, которая быстро подталкивает насекомое вперёд. Концевой

отдел кишечника личинки превращён в полый пузырь, богато снабжённый трахеальными жабрами и служащий одновременно и для дыхания, и для передвижения.

Личинка *Aeschna* никогда не охотится вплавь, она подстерегает насекомых, лёжа в засаде. Когда добыча появляется в поле зрения, на неё устремляется пристальный взгляд хищницы, которая очень медленно поворачивает голову и туловище в нужном направлении и внимательно следит за всеми движениями своей жертвы. Подобное фиксирование своей цели очень редко наблюдается у беспозвоночных, да и то лишь у немногих видов. В отличие от личинки плавунца наша *Aeschna* улавливает даже самое медленное движение, например, она замечает ползущую улитку, и в результате эти моллюски часто оказываются в числе жертв хищницы. Медленно, очень медленно, шаг за шагом личинка стрекозы крадётся к намеченной цели: вот только один или два дюйма отделяют их друг от друга – но что это? – внезапно вы видите, как добыча бьётся в безжалостных челюстях охотника.

Зафиксированная с помощью замедленной киносъёмки, вся эта картина выглядит следующим образом: вы успеваете заметить, как нечто, напоминающее длинный язык, стремительно движется от головы личинки к её жертве, и последняя мгновенно увлекается назад и оказывается между челюстями охотника. Если кому-нибудь из вас приходилось наблюдать за кормящимся хамелеоном, то все происходящее сразу же вызовет в памяти резкие движения языка этой ящерицы. «Бумеранг» личинки *Aeschna* – это не язык, а сильно видоизменённая «нижняя губа», состоящая из двух подвижно сочленённых суставов с хватательными клешнями на конце.

Замечательная манера личинки стрекозы фиксировать взглядом свою добычу придаёт этому насекомому удивительно «разумное» выражение. Это впечатление усилится, когда вы познакомитесь с другими особенностями поведения личинки. В противоположность личинке плавунца, которая слепо хватается всё, что движется, несовершеннолетняя *Aeschna* оставляет без внимания животных свыше определённой величины, даже в том случае, если она голодала целыми неделями. Я месяцами держал личинку *Aeschna* в аквариуме вместе с рыбами, но никогда не видел, чтобы насекомое нападало на животных крупнее её или причиняло им какой-нибудь вред. Замечательно и то, что наша подопечная никогда не схватит животное, уже пойманное другой, себе подобной, хотя жертва медленно движется взад и вперёд между жующими челюстями удачливого охотника. С другой стороны, она сразу же набрасывается на кусочек свежего мяса, который точно таким же образом перемещается перед её глазами на конце стеклянной палочки.

Я постоянно держал в большом аквариуме с американскими солнечными окунями несколько личинок *Aeschna*. Развитие их занимает длительный срок – более года. И вот в

один из прекрасных летних дней случается важное событие: личинка медленно выползает на стебелёк растения, торчащий из воды. Здесь она долгое время сидит неподвижно, пока её шкурка не разрывается на верхней стороне одного из грудных сегментов, точно так же, как и во время предыдущих линёк. Прекрасное, совершенное насекомое медленно-медленно вылезает на волю из личиночной кожицы. Пройдёт ещё несколько часов, прежде чем крылья достигнут своей окончательной величины и необходимой жёсткости: это результат удивительного процесса, в ходе которого быстро затвердевающая жидкость под высоким давлением нагнетается в тонкие разветвления жилок крыла. Теперь вы широко открываете окно. Остаётся только пожелать гостю вашего аквариума счастливого пути и всяческих удач в её новой жизни, жизни крылатого насекомого.

БЕДНАЯ РЫБКА

*Как водоросль, как тины ком.
Налитый тусклым огоньком...
Бессмертен, вечен, слеп и тих
Живёт сложнейший импульс в них*
Руперт Брук. Рыбы

Меня всегда удивляла слепая вера в пословицы, даже если они ложны и вводят в заблуждение. Лисица ничуть не более хитра, чем другие хищные звери, и гораздо глупее, чем волк или собака; голубь, конечно, далеко не мирная птица, а о рыбах ходят слухи только неверные: они вовсе не такие холонокровные, чтобы называть их именем вялых и медлительных людей, и совсем не так счастливы в воде, как нам внушает известная пословица. Действительно, нет другой группы животных, в такой же мере страдающих от инфекционных болезней (и не только при домашнем содержании, но и в природных условиях), как рыбы. У меня никогда не было даже тени опасения, что вновь пойманные птицы, пресмыкающиеся или млекопитающие могут заразить живущих у меня животных какой-нибудь болезнью; но каждая только что приобретённая рыба неизменно направляется мной в особый карантинный аквариум, в противном случае можно ставить сто против одного, что вскоре на плавниках старожилов аквариума появятся злоеющие белые пятнышки – признак заражения паразитом *Ichthyophthirius multifiliis*¹⁹.

Однако вернёмся к широко распространённому мнению о холонокровности рыб. Я близко знаком с жизнью многих животных, с их поведением в наиболее интимных ситуациях – когда они пребывают в бурном экстазе сражения или любви, но не знаю другого животного, за исключением дикой канарейки, которое могло бы превзойти в горячности самца колюшки, сямской бойцовой рыбки или цихлид. Ни одно животное не преображается столь полно под влиянием любви, не пылает страстью в таком буквальном смысле, как колюшка*²⁰ или бойцовая рыбка²¹. Можно ли передать словами или воспроизвести в красках этот огненно-красный цвет, делающий бока самца колюшки прозрачными и стекловидными, голубовато-зелёные переливы его спины, блеск которой можно сравнить только со световой мощностью неоновых реклам, наконец, изумрудную зелень его глаз. В соответствии с правилами художественного вкуса, сочетание этих красок должно казаться отталкивающим. Тем не менее, симфония, которую они образуют, создана рукою природы.

У бойцовой рыбки это чудо цвета непостоянно. Маленькая коричневатая – серая рыбка, лежащая со сложенными плавниками в углу аквариума, внешне не представляет собой ничего замечательного. И только если другая рыбка, первоначально такая же невзрачная, приблизится к ней и они заметят друг друга, только тогда они начинают словно светиться изнутри и постепенно накаляться великолепием. Румянец пропитывает их тела почти так же быстро, как проволока электрической плитки становится красной при пропускании электрического тока. Плавники расправляются, как декоративные веера, настолько внезапно, что почти ожидаешь услышать звук, какой издаёт раскрываемый зонтик. А затем следует танец обжигающей страсти, не игра, но танец жизни и смерти, начало и конец всего.

¹⁹ *Ichthyophthirius multifiliis* – паразитическая равно ресничная инфузория. Внедряется в кожу рыб, образуя маленькие нарывчики. Часто наносит большой вред карповым хозяйствам.

²⁰ Колюшка трехиглая (*Gasterosteus aculeatus*) – мелкая рыбка из о гряда Колюшкообразных. Распространена па большей части Европы и в Сибири, обитает в пресных и солоноватых водоёмах. Работы выдающегося голландского учёного Нико Тинбергена по поведению колюшки представляют собой классические этологические исследования.

²¹ Бойцовые рыбки (*Betta*) – мелкие пресноводные рыбки из отряда Окунеобразных, обитающие в Индии и Индокитае.

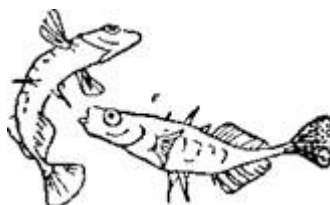
Это может показаться странным, но заранее никогда нельзя сказать определённо, приведёт ли этот танец к любовному согласию и спариванию, или столь же плавно перейдёт в кровавую битву. Бойцовая рыбка при встрече с себе подобной может определить её пол только после того, как увидит, каким поведением ответит та на строго ритуальные, инстинктивные движения исполняемого ею танца. Встреча двух первоначально незнакомых самцов бойцовых рыбок начинается с взаимного дерзкого и чванливого самодемонстрирования, при котором каждое светящееся цветное пятно, каждый луч чудесных плавников должен произвести максимальное впечатление.

Перед великолепным самцом скромно одетая самка складывает плавники, тем самым прекращая всякое сопротивление. Если она не готова к спариванию, то немедленно спасется бегством. В противном случае она приближается к самцу робкими, вкрадчивыми движениями, иными словами, её поведение прямо противоположно дерзкому и хвастливому поведению самца. И тогда начинается любовный обряд, не столь великолепный, как военный танец самцов, но не уступающий ему в грациозности движений.

Когда два самца встречаются лицом к лицу, начинается истинная оргия взаимного самовосхваления. Есть поразительное сходство между воинственным танцем этих рыб и аналогичными церемониальными танцами яванцев и других индонезийских народов. И у человека, и у рыбы мельчайшая деталь каждого движения основана на предписании древнего неизменного закона, каждый легчайший жест полон глубокого символического смысла. Тот же стиль, та же экзотическая грация движений, выражающих сдерживаемый гнев, – вот в чём близкое сходство этих танцев.

Превосходная отточенность телодвижений указывает, что они выработались в результате длительного исторического развития и что в основе их лежит древний ритуал. Не столь очевидно другое: если у человека эти ритуальные церемонии передавались из поколения к поколению посредством тысячелетних традиций, то у рыб они представляют собой результат эволюционного развития врождённой инстинктивной деятельности и, по-видимому, намного старше. Происхождение подобных ритуальных церемоний превосходно изучено, и мы знаем сейчас об эволюционной истории этих реакций больше, чем о каких бы то ни было других инстинктах.

Но вернёмся к воинственным танцам самцов бойцовой рыбки. Они имеют совершенно то же значение, что и словесная дуэль гомеровских героев или наших альпийских фермеров, которая и по сей день предшествует шумным ссорам в деревенских гостиницах. Цель такой дуэли – запугать противника и одновременно привести себя в состояние бесстрашия.

У рыб длительность этих приготовлений, их ритуальный характер и, главным образом, замечательный показ красочного наряда и развёрнутых плавников, имеющие целью запугать, сломить противника, маскируют для непосвящённого всю серьёзность ситуации. Бойцы во всем великолепии своих нарядов кажутся настроенными менее враждебно, чем это есть в действительности: вы так же не склонны приписывать им жестокую отвагу и презрение к смерти, как не связывается в вашем представлении охота за головами почти женственной красоты индонезийских воинов.

Битва бойцовых рыбок нередко оканчивается смертью одного из противников. Если они уже готовы нанести первый удар, то через несколько минут широкие продольные щели будут зиять в их плавниках, которые очень скоро превратятся в лохмотья. Способ нападения бойцовой рыбки, как вообще всех рыб, сражающихся подобным образом, – это, в буквальном смысле, удар шпагой, но никак не кусание. Рыба открывает рот так широко, что все её зубы торчат наружу, и со всей силой, развиваемой её мускулистым телом, с разбегу втыкает их в бок противника. Таранящий удар бойцовой рыбки настолько силён, что если в беспорядке боя одному из противников случится наткнуться на стеклянную стенку аквариума, звук столкновения бывает явственно слышим. Танец самовосхваления может продолжаться часами, но если танцоры перешли к действиям, часто уже через несколько минут один из противников лежит на дне, смертельно раненный.

Бои нашей европейской колюшки сильно отличаются от сражения сиамской бойцовой рыбки. В противоположность последней самец колюшки «накаляется» не только при виде противника или самки, но находится в таком состоянии все время, пока пребывает в окрестностях гнезда, в пределах выбранной им территории. Коренной принцип, лежащий в основе сражений этих рыбок, – «мой дом – моя крепость». Отнимите у самца колюшки гнездо или пересадите его в другой аквариум, и наша рыбка и не подумает о драке, даже если там будет другой самец. Напротив, она сразу станет маленькой и жалкой. Поэтому бои колюшек нельзя использовать для показа, тогда как сиамцы уже сотни лет развлекаются драками бойцовых рыбок. Самец колюшки становится физически способным приходить в состояние возбуждения только после того, как обзаведётся домом. Поэтому практически сражения колюшек можно наблюдать лишь в том случае, если держать двух самцов в большом аквариуме, где у каждого будет своё гнездо.

Воинственный пыл самца колюшки в каждый момент находится в прямо пропорциональной зависимости от близости гнезда. Когда рыбка сидит в гнезде – это беснующаяся фурия, с полным презрением к смерти безрассудно атакующая гораздо более крупного противника, даже человеческую руку. Чем дальше он отплывает от своей «штаб-квартиры», тем меньше его военный задор. Когда два самца вступают в драку, всегда можно предсказать с полной уверенностью, каков будет её исход. Около своего гнезда самый слабый самец всегда будет побеждать самого крупного и сильного. Боевая мощь самца колюшки определяется величиной территории, которую он может держать свободной от соперников. Победённый всегда спасается бегством по направлению к дому, а увлечённый своим успехом победитель преследует беглеца далеко во владениях последнего. Чем дальше преследователь уходит от своего дома, тем заметнее убывает его смелость. Беглец, достигнув окрестностей своего гнезда, приобретает новые силы, поворачивается и с удесытерённой яростью бросается на врага. Новая драка всегда оканчивается поражением первоначального победителя – и снова погоня, теперь уже в противоположном направлении. Столкновения чередуются с погоней то в одну, то в другую сторону, и это напоминает движение маятника, достигающего, наконец, равновесия в некоторой точке. Боевые силы сражающихся уравниваются как раз на границе их территорий. Тот же самый принцип играет важную роль в жизни многих животных, особенно птиц. Каждый любитель птиц мог наблюдать, как две горихвостки гоняют друг друга таким же точно образом.

Итак, остановившись, наконец, на воображаемой линии, разделяющей их владения, рыбки не решаются напасть друг на друга. Приняв особые угрожающие позы, они то и дело опрокидываются головой вниз. Рыбки проделывают это вновь и вновь, поворачиваются друг к другу боком, и каждый угрожающе выпрямляет спинной шип на той стороне тела, которая обращена к противнику. Все время рыбки касаются ртом дна, и можно подумать, что они заняты поисками пищи. Самец колюшки ведёт себя точно таким же образом в момент постройки гнезда; при столкновении каждый из двух самцов демонстрирует перед противником, так сказать, ритуальную версию этого поведения. Дело в том, что если нечто мешает особи совершить какое-либо инстинктивное действие, вытекающее из данной ситуации, животное часто «находит облегчение» в том, что выполняет другое действие, казалось бы, совершенно не соответствующее обстоятельствам. Так и в этом случае: колюшка, не решаясь напасть на противника, вместо этого производит движения, характерные для периода постройки гнезда. Это явление, имеющее огромный теоретический интерес как с точки зрения физиологии, так и психологии, в сравнительной этологии принято называть смещением действий²².

В отличие от бойцовой рыбки колюшка не тратит много времени на угрозы до начала драки, она делает это между столкновениями или после них. Колюшки никогда не дерутся до конца, хотя, если исходить из их способа нападения, можно было бы ожидать обратного. Удары и контрудары следуют один за другим с такой быстротой, что взгляд наблюдателя едва способен уследить за ними. Правда, большой спинной шип, имеющий столь злобный вид, играет подчинённую роль.

В старой литературе об аквариумах встречаются утверждения, что один из сражающихся может пасть мёртвым, проткнутый шипом противника. Очевидно, авторы этих книг никогда не пробовали «проткнуть» колюшку; и мёртвая рыбка будет выскальзывать из-под самого острого скальпеля, прежде чем вам удастся продырявить её прочную кожу даже в том месте, где она не подкреплена костистым панцирем. Положите колюшку на какую-нибудь мягкую поверхность, которая, конечно, оказывает гораздо большее сопротивление, чем вода, и попробуйте проткнуть рыбку острой иглой. Вы будете удивлены, увидев, сколько силы требуется для этого. Благодаря чрезвычайной прочности своей кожи колюшка не может получить в бою сколько-нибудь серьёзной раны, да и сами сражения, если их сравнить с драками бойцовых рыб, безвредны до нелепости. Конечно, в ограниченном пространстве аквариума более сильный самец может загонять более слабого до смерти, но если в аналогичные условия поместить кроликов или горлиц, их взаимоотношения могут привести к такому же результату.

Колюшка и бойцовая рыбка ведут себя по-разному и в любви, и в драке, но как родители имеют много общего. У обоих видов не самка, а самец берет на себя устройство гнезда и заботу о молоди. И когда будущий отец ещё только начинает подыскивать себе пару, у него уже готова колыбель для ожидаемых детей. Но здесь сходство кончается и начинаются различия. Колыбель колюшки, как уже упоминалось, лежит «под полом», а у бойцовой рыбки она расположена «над потолком». Иными словами, первая выкапывает небольшую камеру на дне водоёма, а вторая строит гнездо на поверхности воды. Одна употребляет для постройки

²² Смещённые действия (displacement activity) – действия животного, которые, с точки зрения наблюдателя, не соответствуют внешней ситуации. Например, петухи ЕО время драки часто клюют землю, словно собирая корм. Потрясенная около гнезда овсянка перебирает клювом перья, как будто бы приводя их в порядок. Испуганный кулик поворачивает голову назад и прячет клюв в оперение спины, как он делает, погружаясь в сон. На самом деле это ложное клевание, ложная чистка пера, ложный сон. Причину такого рода форм поведения видят в борьбе противоречивых стремлений – дерущийся петух хочет одновременно напасть на соперника и бежать от него. Смещённые действия служат в эволюции материалом для формирования различных брачных и угрожающих церемоний, заменяющих животным речь и язык.

гнезда волокна растений и особые клейкие выделения почек, другая пользуется только воздухом и своей слюной.

Воздушный замок бойцовой рыбки, как и её ближайших родственников, состоит из маленькой кучки пузырьков воздуха, покрытых прочным слоем слюны. Этот домик очень устойчив и слегка выдаётся над поверхностью воды. Уже в то время когда самец занят постройкой гнезда, он окрашен в великолепные цвета, которые становятся глубокими и радужными в момент появления самки. Самец, подобно молнии, бросается к ней и останавливается, пылая. Если самка готова принять его, она «сообщает» об этом, обретая особую окраску, – на общем коричневом фоне появляются светло-серые вертикальные полосы. С плотно сложенными плавниками она плывёт к самцу, который, трепеща от возбуждения, до предела расправляет плавники и поворачивается к невесте ослепительно сверкающим боком. В следующий момент кавалер поворачивается в сторону гнезда и плывёт скользящими движениями, грациозно извиваясь всем телом. Манящий характер этих жестов ясен, даже если видишь их впервые. Телодвижения говорят: «Я уплываю от тебя, торопись и догоняй меня!». Между тем самец никогда не плывёт быстро и не уходит далеко; он вскоре останавливается и поджидает самку, которая робко и застенчиво следует за ним по пятам.

Таким образом, самец увлекает самку в гнездо, где начинается любовный танец, нежной грацией движений напоминающий менуэт. Однако экстаз, в котором пребывают исполнители, вызывает воспоминания о храмовых танцах острова Бали. По предписанию вековых законов самец все время обращён к партнёрше своим роскошным боком, а она постоянно остаётся под прямым углом к нему. Самец не должен даже мельком увидеть бок самки, иначе он сразу станет злым и настроенным совсем не по-рыцарски, потому что показ бока означает у этих рыб, как и у многих других, агрессивные намерения и немедленно вызывает у каждого самца полную перемену настроения: самая горячая любовь сменяется дикой ненавистью.

Самец плавает вокруг самки, и она отвечает на каждое его движение таким образом, что голова её все время обращена к партнёру. Танец выполняется в маленьком кругу, как раз под центром гнезда. Движения становятся все более неистовыми, краски – все более пылающими, круг – все меньше и меньше; наконец тела соприкасаются. Самец неожиданно туго обвивает своим телом туловище самки, осторожно переворачивает её на спину, и, трепеща, оба совершают великий акт соединения. Икра и семя выделяются одновременно.

Самка несколько секунд находится в состоянии оцепенения, но у самца есть важное дело, которым нужно заняться тотчас же. Крошечные, прозрачные, как стекло, икринки тяжелее воды и сразу опускаются на дно. Положение тел при икрометании таково, что погружающиеся икринки движутся мимо головы самца, тем самым привлекая его внимание. Супруг мягко выпускает самку и скользит вниз в погоне за икринками, собирая их одну за другой в свой рот. Всплывая, он выдувает икринки в гнездо. Последние, вместо того чтобы снова погрузиться, теперь чудесным образом всплывают. Эта внезапная и удивительная перемена удельного веса объясняется тем, что сейчас каждая икринка покрыта плёнкой слюны, способной держаться на поверхности воды. Самец спешит с этой работой, и не

только потому, что он скоро уже не сможет отыскать в грязи крошечные прозрачные шарики, но и ещё по другой причине: если он замешкается, самка может выйти из состояния транса и тоже начнёт поглощать икринки. На первый взгляд может показаться, что она повторяет действия самца. Но если вы захотите посмотреть, как она будет складывать икринки в гнездо, ваши усилия будут тщетны: икра погибла безвозвратно, проглоченная самкой. Поэтому у самца есть все основания торопиться; он хорошо знает, почему нельзя позволить самке приблизиться к гнезду, когда после десяти-двенадцати спариваний все её яички надёжно сложены наверху между пузырьками воздуха.

Семейная жизнь красивых и отважных рыбок из группы цихлид²³ находится на более высоком уровне, чем у бойцовой рыбки. Здесь уже и самец и самка заботятся о потомстве, а молодые рыбки следуют за ними, как цыплята за наседкой. Впервые на восходящей лестнице живых существ мы находим у этих рыб тот тип поведения, который считается людьми высокоморальным: самец и самка состоят в тесном супружеском товариществе даже после того, как размножение окончено. Они остаются вместе не только на время, которое требует забота о выводке, но – и это очень важно – гораздо дольше. Обычно это называют браком, если оба партнёра вместе заботятся о потомстве, хотя для этой цели нет необходимости в настоящих личных связях между родителями. Но у цихлид они существуют.

Для того чтобы объективно установить, узнает ли животное своего супруга персонально, «в лицо», он должен быть заменён другим животным того же пола, находящимся в той же стадии цикла размножения. Если, например, пара птиц только что начала гнездиться, и мы заменим самку другой, находящейся в психофизиологической стадии выкармливания птенцов, её инстинктивное поведение, естественно, будет находиться в несоответствии с поведением самца. Если самец после такой замены начнёт враждебно реагировать на присутствие самки, мы не сможем сказать с полной уверенностью, действительно ли он заметил, что новая самка не его «жена», или его раздражение вызвано тем, что новая подруга ведёт себя «неправильно».

Меня крайне заинтересовало, как ведут себя в этом отношении цихлиды, – единственные рыбы, связанные узами брака на всю жизнь. Первое, что нужно для разрешения этого вопроса, – это обладать двумя парами животных, находящихся в одной фазе репродуктивного цикла. Я был достаточно удачлив и вскоре приобрёл великолепных южноамериканских цихлид *Herichthys cyanoguttatus*, вполне удовлетворявших этому условию. Латинское название, в буквальном переводе означающее «рыба-герой с голубыми пятнами», вполне оправдано: глубокие бирюзово-голубые переливающиеся пятна образуют причудливую мозаику на бархатно-чёрном фоне, а героизм, который проявляет размножающаяся пара этих рыбок даже по отношению к гораздо более крупному противнику, оправдывает вторую часть названия.

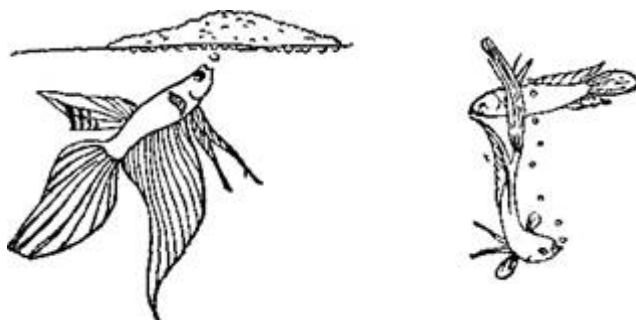
²³ Цихлиды, или хромисы (Cichhidae), – семейство рыб из отряда Окунеобразных, распространённое в водоёмах (главным образом пресноводных) тропиков Старого и Нового Света. Наиболее разнообразны эти рыбки в озёрах Центральной Африки, где насчитывается около 200 видов хромисов.

Пять молодых рыбок этого вида в тот момент, когда я приобрёл их, не были ни героическими, ни украшенными голубыми пятнами. После нескольких недель содержания в большом солнечном аквариуме они выросли и расцвели, и в один прекрасный день одна из двух самых больших рыбок надела свой брачный наряд. Тогда стало ясно, что это – самец. Он занял более низкий передний левый угол аквариума, выкопал глубокую полость для гнезда и начал готовиться к икрометанию, тщательно очищая большой гладкий камень от водорослей и наносов. Четыре другие рыбки сбились озабоченной кучкой в приподнятом правом заднем углу аквариума. Но на следующее утро одна из них тоже надела праздничный наряд; бархатно-чёрная грудка, лишённая голубых пятен, указывала на то, что перед нами самка. Самец сразу же препроводил даму домой с церемониями, очень похожими на те, с которыми самец бойцовой рыбки приглашает в гнездо свою супругу.

Так пара заняла свою гнездовую территорию и начала доблестно оборонять свои владения. Это было не шуточным делом для трех остальных рыбок, которые не имели возможности передохнуть, постоянно перегоняемые с места на место. И тот факт, что находившийся в их числе второй самец через несколько дней собрался с духом и решил завоевать противоположный угол аквариума, ярко характеризует героизм, свойственный этим рыбкам. Теперь два самца стояли лицом к лицу, как два враждебных рыцаря в своих замках.

Граница проходила ближе к замку одинокого самца: его боевые возможности были меньше, чем объединённые силы пары, поэтому и территория его была соответственно уже (об этом я говорил подробно, описывая территориальные сражения самцов колюшки). Одиноким самец, которого мы будем называть самец номер два, вновь и вновь делал вылазки с явным намерением похитить жену соседа. Однако все его попытки были безрезультатны и не приносили холостяку ничего, кроме разочарования. Каждый раз, когда он пытался ухаживать за самкой, выставляя напоказ свой роскошный бок, она отвечала ему таранящим ударом в это незащищённое место.

Эта ситуация оставалась неизменной в течение нескольких дней; потом ещё одна самка надела наряд новобрачной, и счастливый конец казался неминуемым! Но произошло нечто совсем другое. Вторая самка, вопреки моим ожиданиям, оказывала очень мало внимания самцу номер два, как и он ей. Они просто игнорировали друг друга. Самка номер два все время пыталась приблизиться к самцу номер один. Каждый раз, когда тот после очередной военной вылазки уплывал в свои владения, она следовала за ним в характерной позе, которую обычно принимает самка, приглашаемая в гнездо. Очевидно, она считала себя обманутой всякий раз, когда самец номер один возвращался домой после очередной вылазки. Судя по той свирепости, с какой его жена нападала на приближающуюся соперницу, она уяснила обстановку весьма отчётливо. Её муж не принимал участия в этих нападениях. Таким образом, самец и самка номер два не существовали друг для друга, и каждый смотрел только на представителя другого пола из счастливой супружеской пары, которые, казалось, со своей стороны очень тало интересовались соседями.

Такое положение могло бы существовать длительное время, если бы я не вмешался и не пересадил вторые номера в другой идентичный аквариум. Разъединённые с предметами своей отвергнутой любви, они быстро нашли утешение в обществе друг друга и образовали пару. Некоторое время спустя обе самки выметали икру в один и тот же день. Теперь я имел то, что желал, именно: две пары животных одного вида в одной и той же стадии цикла размножения. Поскольку размножение этих рыбок само по себе много значило для меня, я решил подождать со своим экспериментом до тех пор, пока молодые в обеих семьях подрастут настолько, чтобы они смогли существовать самостоятельно даже в том случае, если супружеские связи родителей будут окончательно порваны.

После этого я обменял самок. Результат оказался двусмысленным и не дал ясного ответа на вопрос, узнают ли рыбки своего супруга «в лицо». Моё толкование, которое я излагаю ниже, может показаться многим слишком смелым и, несомненно, нуждается в дальнейшем экспериментальном подтверждении. Самец номер два принял самку номер один сразу же, как только она была посажена к нему. Однако, мне кажется, это нельзя расценивать как свидетельство того, что самец не заметил перемены; действительно, его поведение при каждой встрече с самкой во время церемонии «смены караула» говорило как будто об усилении пыла и страсти. Самка сразу приняла ухаживания самца и без колебаний приступила к исполнению своей роли. Но и это не говорит о многом, ибо в этот период самка целиком занята молодыми и обращает на самца мало внимания.

В другом аквариуме, куда я посадил самку номер два к самцу номер один и его потомству, дела приняли совершенно иной оборот. Здесь самка тоже интересовалась только детьми; выведенная из душевного равновесия переменой обстановки, она сразу поплыла на мелкое место и начала встревоженно собирать около себя молодых. Именно то же самое сделала самка в другом аквариуме. Но совершенно противоположным было поведение самца. В то время как самец номер два принял новую самку дружеской церемонией «накаливания», самец номер один продолжал насторожённо охранять выводок, отказался принять помощь самки и в следующий момент обрушил на неё бешеный таранящий удар. Несколько серебряных чешуек заплескали, подобно солнечным зайчикам, на дне аквариума, и я должен был вмешаться, чтобы спасти самку, которая в противном случае могла быть забита до смерти.

Что же произошло? Самец, который получил «более симпатичную» самку, ухаживал за ней и раньше, почему и принял замену с удовлетворением; другой же, помещённый с первоначально отвергнутой им самкой, был взбешён и, его нельзя не оправдать. Теперь он нападал на неё гораздо свирепее, чем делал это раньше, в присутствии своей законной супруги.

Способы заботы этих рыб о своём потомстве ещё более интересны, чем взаимоотношения взрослых особей, и гораздо пленительнее для наблюдателя. Кто хоть раз наблюдал, как они непрерывно обвевают струями свежей воды икру или крошечных рыбок, лежащих в гнезде, сменяют друг друга на дежурстве с военной точностью, или позже, когда молодые учатся плавать, заботливо ведут их сквозь толщу воды, тот никогда не забудет этих сцен. Но самое трогательное зрелище можно наблюдать, когда дети, уже способные плавать, на ночь укладываются спать. Каждый вечер, прежде чем молодые достигнут возраста нескольких недель, они с наступлением сумерек возвращаются к гнездовой камере, в которой провели раннее детство. Мать стоит около входа в гнездо и собирает молодых около себя. Затем она подаёт особый сигнал движением своего плавника.

Эта деталь поведения особенно ярко выражена у великолепной драгоценной рыбки *Nemichromis bima-culatus*, одной из самых прекрасных среди всех цихлид. Я думаю, что Руперт Брук²⁴ имел в виду именно этих рыбок, когда писал следующие строки:

²⁴ Брук Руперт (1887-1915) – английский поэт, представитель неореализма.

Багровый – в сердце розы – цвет,
В беззвёздном небе синий свет,
И золотом блеснувший взор,
И зелень моря, пурпур гор —
От полной тьмы до полной тьмы.
Найдём мильон оттенков мы.

Сверкающие и переливающиеся голубые пятна на темно-красном спинном плавнике играют особую роль в тот момент, когда самка драгоценной рыбки укладывает детей спать. Она быстро дёргает плавником вверх и вниз, испуская яркие вспышки наподобие гелиографа²⁵. В ответ на это молодые собираются под матерью и послушно опускаются в отверстие гнезда. В это время отец обыскивает аквариум в поисках запоздавших. Он не тратит времени на уговоры, а просто забирает их в свой просторный рот и, подплыв к гнезду, «выплёвывает» во входное отверстие. Молодые рыбки сразу тяжело падают на дно и остаются лежать там. Дело в том, что плавательный пузырь спящих молодых сжимается настолько сильно, что они становятся гораздо тяжелее воды и, подобно маленьким камешкам, остаются лежать в гнездовой камере, как лежали в раннем детстве, когда их плавательный пузырь ещё не был наполнен газом. То же явление «утяжеления» вступает в действие, когда родители собирают молодых в рот. Без этого рефлекторного механизма отец никогда бы не смог удержать детей вместе, как он делает это каждый вечер, препровождая их на ночлег.

Однажды я наблюдал, как драгоценная рыбка во время подобной вечерней транспортировки опоздавших совершила поступок, совершенно изумивший меня. Поздно вечером я вошёл в свою лабораторию. Уже спустились сумерки, и я хотел быстро покормить рыбок, которые ещё не ели в этот день. Среди них была и пара драгоценных рыбок с выводком. Подойдя к аквариуму, я увидел, что большинство молодых находились уже в гнезде, возле которого дежурила самка. Когда я бросил на дно кусок дождевого червя, она отказалась от еды. Отец, в величайшем возбуждении сновавший взад и вперёд в поисках «прогульчиков», отвлёкся от выполнения своих обязанностей, соблазнившись отличным задним концом червя (по непонятным причинам он предпочёл этот кусок целому червю, лежавшему перед ним). Он схватил половину червя, но тот был слишком велик, чтобы проглотить его сразу. Самец принялся жевать свою добычу и в этот момент увидел молодого, плывущего вдоль стенки аквариума. Самец вздрогнул, как ужаленный, бросился вдогонку за маленькой рыбкой и затолкал её в уже наполненный рот. Это был волнующий момент. Рыба держала во рту две совершенно различные вещи, одну из которых она должна была отправить в желудок, а другую – в гнездо. Как она поступит? Должен сознаться, что в этот момент я не дал бы и двух пенсов за жизнь крошечной драгоценной рыбки. Но случилось удивитель-

²⁵ Гелиограф – прибор, используемый в военном деле для передачи сообщений азбукой Морзе посредством зеркала, отражающего солнечные лучи.

ное! Самец стоял неподвижно, с полным ртом, но не жевал. Если я когда-нибудь полагал, что рыба думает, то именно в этот момент. Это совершенно замечательно, что рыба может найтись в подлинно сложной ситуации, и в этом случае она вела себя именно так, как вёл бы себя человек, будь он на её месте. Несколько секунд она стояла неподвижно, как бы не находя выхода из положения, и почти можно было видеть, как напряжены все её чувства. Потом она разрешила противоречия способом, который не может не вызвать восхищения: она выплюнула все содержимое на дно аквариума. Червь упал, и маленькая рыбка, ставшая тяжёлой благодаря приспособлению, о котором уже говорилось, последовала за ним. Затем отец решительно направился к червю и неторопливо начал есть его, все время поглядывая одним глазом на молодого, который послушно лежал на дне. Покончив с червём, самец взял малька и отнёс его домой к матери.

Несколько студентов, бывших свидетелями этой сцены, вздрогнули, когда один человек начал аплодировать.

СТОИТ ЛИ СМЕЯТЬСЯ НАД ЖИВОТНЫМИ?

Я редко смеюсь над животными, и когда это случается, всякий раз обнаруживаю позже, что смеялся-то я над самим собой, над людьми, ибо многих животных мы иногда воспринимаем как более или менее безжалостную карикатуру на человека. Мы стоим перед обезьянником и смеёмся, однако не смеёмся при виде гусеницы или слизня; и если брачные ужимки здорового, сильного гусака кажутся нам невероятно забавными, то только потому, что наши молодые люди ведут себя весьма похоже в сходных ситуациях.

Просвещённый наблюдатель редко смеётся над странными, эксцентричными животными. Меня всегда выводят из себя посетители зоопарка, высмеивающие тех животных, у которых в ходе эволюции развились особые черты строения, кажущиеся нам необычными. Гротескные формы хамелеона или муравьеда вызывают во мне чувство глубокого удивления, но отнюдь не веселье.

Конечно, неожиданная забавность некоторых животных подчас и у меня вызывает смех, и, очевидно, такое веселье не менее глупо, чем раздражающее меня поведение публики в зоопарке. Когда я впервые приобрёл странную, вылезающую на землю рыбку перифthalmус²⁶ и увидел, как это существо выпрыгнуло на край аквариума – заметьте, не прочь из сосуда, а на его край – подняло голову с бульдожьим «лицом» и, сидя на своём «насестье», уставилось на меня выпученными, пронзительными глазами – в этот момент я смеялся, смеялся от души. Можете ли вы представить себе что-либо подобное – рыба, настоящая, подлинная рыба сидит на «жёрдочке», как канарейка, потом поворачивает к вам голову, как высшее наземное позвоночное²⁷ и в довершение всего рассматривает вас сразу обоими глазами! Такой же пристальный взгляд характерен для сов, и именно он придаёт этим Птицам закреплённое в пословицах мудрое выражение «лица». Дело в том, что даже у птиц, стоящих эволюционно выше, чем рыбы, бинокулярный²⁸ взгляд кажется неожиданным. И здесь

²⁶ Перифthalmус или илистый прыгун (*Periophthalmus koelreuteri*), – небольшая рыбка, обитающая в прибрежных участках тропических районов Тихого и Индийского океанов. Рыбки лежат в прибрежном иле, ползают или прыгают по нему, часто влезая на обнажённые корни мангровых деревьев. На суше охотятся на насекомых даже чаще, чем в воде. По своему образу жизни более напоминают земноводных, чем рыб.

²⁷ У рыб и амфибий шейный отдел позвоночника неразвит или развит очень слабо, поэтому голова неподвижно соединяется с туловищем. Подвижная шея появляется лишь у некоторых рептилий (ящерицы, черепахи) и представляет собой обычное явление у птиц и млекопитающих.

²⁸ Бинокулярное зрение – способность видеть предмет одновременно обоими глазами. Низшие позвоночные (рыбы и амфибии) практически лишены такой способности, и перифthalmус представляет собой редкое исключение. Среди высших позвоночных (рептилий, птиц и Млекопитающих) бинокулярное зрение сравнительно широко распространено только у млекопитающих.

смешное, очевидно, заключается, скорее, в карикатурном сходстве с человеком, нежели в какой-то особой забавности самих животных.

При изучении поведения высших животных часто возникают весьма забавные ситуации, и в этих ситуациях не животные, а сам наблюдатель неизменно играет комическую роль. Работа этолога, изучающего поведение птиц и млекопитающих, нередко требует полного отступления от внешнего достоинства, которое принято ожидать от учёного. В самом деле, порой нельзя осуждать непосвящённого человека, который, наблюдая этолога за работой, не может отделаться от мысли, что есть нечто безумное в действиях последнего. Только репутация «безвредного», которую я разделял с одним деревенским идиотом, в своё время спасла меня от дома умалишённых. Но в оправдание жителей Альтенберга я должен рассказать несколько маленьких историй.

Одно время я экспериментировал с молодыми кряковыми утками – меня интересовал вопрос, почему инкубаторные, только что вылупившиеся утята в отличие от «новорождённых» птенцов серого гуся недоверчивы и пугливы. Гусята без колебаний начинают считать матерью первое живое существо, которое они встречают на своём жизненном пути, и доверчиво бегут за ним. Утята кряквы ведут себя совершенно иначе. Если я беру из инкубатора только что вылупившихся птенцов, они неизменно убегают от меня и забиваются в ближайший тёмный угол. Почему? Я помнил, что однажды подложил яйца кряквы под мускусную утку²⁹, и вылупившиеся крошечные утята отказались принять мачеху. Как только они обсохли, они просто-напросто убежали от неё прочь, и я потратил массу усилий, чтобы изловить этих кричащих, заблудших детей. Но в другой раз, когда я заставил высиживать яйца кряквы большую белую домашнюю утку, маленькие дикари бегали за ней так, словно это была их настоящая мать. Внешне белая домашняя утка совершенно не похожа на крякву, так же, как и мускусная утка. Но у домашней утки есть одно общее с кряквой – это её голос. Кряква, несомненно, является диким прародителем домашней утки. В процессе одомашнивания изменились пропорции тела и окраски, но голос практически остался таким же, как у кряквы.

Вывод был ясен: чтобы заставить маленьких крякв ходить за мной, я должен крякать, как кряква-мамаша. Но сказать проще, чем сделать. В один прекрасный день я взял кладку сильно насиженных яиц чистокровной дикой кряквы, положил их в инкубатор, и, когда утята вылупились и обсохли, стал крякать для них, как самая лучшая крякуха. Моё кряканье имело успех. Утята уверенно устремляли свой взгляд на меня, видимо, не боялись меня в это время. Поскольку продолжая крякать, я медленно уходил от них, они послушно держались вместе и

²⁹ Мускусная утка (*Cairina moschata*) – крупная (длиной до 80 см) утка, распространённая в лесных районах Американского континента от Мексики до Парагвая. Гнездится на деревьях. У себя на родине одомашнена и даёт помеси с обыкновенной домашней уткой, происходящей от кряквы.

торопливо шли за мной тесной беспорядочной кучкой, точно так, как утята обычно следуют за своей матерью. Моё предположение было, бесспорно, доказано. Только что вылупившиеся из яйца утята обладают врождённой реакцией на голос матери, а не на её внешний вид. Всякий, издающий утиное кряканье, будет принят за мать – неважно, кто это: толстая белая пекинская утка и или ещё более толстый мужчина. Однако «подставное лицо» не должно быть особенно рослым. В начале моих опытов я садился на траву среди утят и передвигался в таком положении. Но как только я вставал во весь рост и пытался предводительствовать стоя, утята останавливались, испытующе смотрели во все стороны, но только не вверх, откуда доносилось моё кряканье, и вскоре начинался пронзительный писк покинутых матерью утят, который мы обычно называем плачем. Они не могли смириться с тем, что мама их стала такой высокой. Итак, я был вынужден передвигаться сидя на корточках, если хотел, чтобы утята следовали за мной. Нельзя сказать, чтобы это было слишком удобно; но ещё менее утешительным было то, что кряква мать крякает непрерывно. Стоило мне сделать хотя бы полуминутный перерыв в моем мелодичном «куак, гегегегек, куак, гегегегек...», как шек утят начинали становиться все длиннее и длиннее, подобно тому, как вытягиваются лица у обиженных детей, и если я сразу же не возобновлял кряканье, пронзительный плач начинался снова. Как только я замолкал, им, вероятно, начинало казаться, что я умер или не люблю их больше, – причина, достаточная для того, чтобы начать плакать! Утята в противоположность птенцам серого гуся оказались достаточно утомительной обузой – представьте себе двухчасовую прогулку с такими детьми, когда все время передвигаешься сидя на корточках и крякаешь без остановки. Поистине, в интересах науки я подверг себя тяжёлому испытанию.

Так, скорчившись и крякая, я прогуливался в один прекрасный день в компании своих утят по заросшему майской травой лужку в возвышенной части своего сада. Я радовался послушанию и точности, с какими мои утята в этот день вперевалочку следовали за мной. Когда я вдруг взглянул вверх, то увидел над оградой сада ряд мертвенно-белых лиц: группа туристов стояла за забором и со страхом тарасила глаза в мою сторону. И не удивительно! Они могли видеть толстого человека с бородой, который тащился, скрючившись в виде восьмёрки, вдоль луга, то и дело оглядывался через плечо и крякал, а утята, которые могли хоть как-то объяснить подобное поведение, утята были скрыты от глаз изумлённой толпы высокой весенней травой.

Как я расскажу в одной из следующих глав, галки надолго запоминают того, кто на глазах у всей галочьей колонии однажды взял одну из них в руки и тем самым вызвал переполох, сопровождаемый особым «гремящим» криком. Это сильно препятствовало моей работе по кольцеванию молодых галок а колонии, обосновавшейся на моем доме. Когда я брал птенцов, чтобы пометить их с помощью алюминиевых колечек, галки не могли не видеть меня, и сразу же начинался дикий гремящий концерт. Как воспрепятствовать развитию у птиц постоянного недоверия ко мне в результате процедуры кольцевания – ведь такое положение дел могло нанести неисправимый вред всей моей работе. Решение казалось очевидным – переодевание. Но как? Очень просто. Костюм лежал наготове в ящике на чердаке и очень подходил для моих целей, хотя обычно его доставали один раз в год – шестого декабря, чтобы отпраздновать старый австрийский праздник, день святого Николая и Дьявола. Это был великолепный меховой костюм черта с маской, закрывающей всю голову, с рогами и языком и с длинным торчащим дьявольским хвостом.

Я хотел бы знать, что подумали бы вы, если бы в один прекрасный июльский день вдруг услышали дикий крик галок, доносящийся с остроконечной крыши высокого дома, и, взглянув вверх, увидели бы Сатану собственной персоной: с рогами, хвостом и когтями, с высунутым от жары языком, Сатану, карабкающегося от дымохода к дымоходу и окружённого роем чёрных птиц, производящих оглушительные гремящие крики? Мне кажется, что общее тревожное впечатление от такого зрелища могло замаскировать тот факт, что Сатана при помощи обычных щипцов надевал алюминиевые колечки на лапки молодых галок, после чего осторожно клал их обратно в гнездо. Когда я окончил кольцевание, то впервые заметил большую толпу, собравшуюся на деревенской улице. Люди смотрели вверх с тем же выражением ужаса, что и те туристы за оградой моего сада. Поскольку возможность показать, кто скрывается под личиной Сатаны, совершенно противоречила моим целям, я ограничился тем, что дружески махнул толпе своим дьявольским хвостом и исчез через люк, ведущий на чердак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.